

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛ-РОССИИ
ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ
И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ

Анализ региональных выборов 2018 г.

**Наталья Зубаревич, Александр Кынев, Николай Петров, Кирилл Рогов,
Сергей Шпилькин**
Под редакцией Кирилла Рогова

Фонд «Либеральная Миссия»

2018

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

Сентябрьские региональные выборы стали крупнейшим политическим событием осени и в силу своего масштаба, и в силу почти сенсационных итогов. Голосование проходило на территориях, где проживает более 45% избирателей, а потому дает вполне репрезентативную картину электоральных настроений населения России.

Впервые с 2007 г. «Единая Россия» не смогла получить относительного большинства, причем сразу в трех региональных парламентах, в целом ее средний результат с прошлых выборов ухудшился с 46% до 38%. В четырех из 22 регионов действующие главы исполнительной власти проиграли выборы; с момента восстановления прямых выборов губернаторов в 2012 г. такое также ни разу не случалось, а второй тур был только однажды (в Иркутской области в 2015 году). Таким образом «исполнительная вертикаль» потерпела поражение в 7 из 38 ключевых кампаний (18%). В одномандатных округах процент побед ЕР снизился с 92% в 2015 – 2016 гг. и 87% в 2017 г. до 72%.

Итоги прошедших на фоне недовольства объявленной пенсионной реформой выборов не представляют непосредственной угрозы для стабильности режима, но стали своего рода стресс-тестом для политической системы. Стресс-тест продемонстрировал ее относительную стабильность и одновременно ее хрупкость – уязвимость перед существенными вызовами. Эта хрупкость характерна прежде всего для партийной модели российского авторитаризма: «Единая Россия» (ЕР) так и не стала настоящей доминирующей партией, располагающей устойчивым абсолютным большинством, т.е. не стала структурной опорой режима, а, оставаясь клиентелой исполнительных властных структур, является скорее «проблемным активом» и раздражителем. При невысоком уровне фальсификаций и на низких явках она получает около трети голосов, а при возникновении негативных трендов в общественных настроениях становится фокусом протестной консолидации («все против «Единой России»).

Но самой неприятной новостью стал эффект эскалации протестного голосования во вторых турах губернаторских выборов. Там, где представителю власти не удалось победить в первом туре, во втором явка резко выростала: люди специально шли голосовать против инкумбента. В результате технический кандидат-соперник побеждал действующего главу региона с более чем двукратным перевесом. Такое развитие событий выглядит тревожным сигналом: сочетание внешней инерционной стабильности и внутренней хрупкости политической системы, ее уязвимость перед внезапной, непрогнозируемой эскалацией протеста характерны для стандартного сценария «цветных революций». Ожидать «цветной революции» в России в близком будущем не стоит, однако представление об устойчивости и непробиваемой

твердости политического режима следует считать преувеличенным, а потенциал протестной консолидации – сильно недооцененным.

Все это заставляет внимательно присмотреться к прошедшим выборам – к традиционным технологиям электорального доминирования, которые на них использовались, тем ограничениям, которые этим технологиям свойственны, и к факторам, которые способны их подрывать. (В настоящем обзоре не анализируются электоральные и политические ситуации конкретных регионов, целью является анализ макро-процессов и общих тенденций, проявивших себя на сентябрьских выборах).

Как показывает наш анализ, важнейшей технологией доминирования является ограничение допуска к выборам кандидатов и партийных списков, создающее заведомо выигрышную ситуацию для кандидатов «исполнительной вертикали». Эта технология, однако, не срабатывает при росте протестных настроений – избиратели начинают голосовать за любого кандидата и любую партию против тех, которые ассоциируются с режимом. Паттерн «протестного голосования» был реализован еще на думских выборах 2011 г., где имел характер организованной кампании. Сентябрьские выборы 2018 г. показали, что он вошел в практики электорального поведения и может воспроизводиться даже без значительных организационных усилий.

Кроме того, на низких явках ограничения на вход и занижение явки приводит к серьезному укреплению системных оппозиционных партий – КПРФ и ЛДПР, обладающих собственным ядерным электоратом. Если либерально и центристски настроенный избиратель не приходит на выборы, вес этого электората резко вырастает. В отличие от рубежа 2000 – 2010 гг. сегодня ЛДПР и КПРФ выглядят вполне сильными соперниками ЕР, способными одерживать над ней верх на многих электоральных площадках.

Еще одной важнейшей технологией доминирования являются фальсификации. Статистическая оценка «аномального голосования» (предполагаемых фальсификаций) показывает, что при существенной региональной вариации в среднем на губернаторских выборах «аномальные голоса» составляют до 25% от всех голосов инкумбента, а на партийных выборах – до трети голосов ЕР. Если скорректировать официальные результаты, то средний результат инкумбента в первом туре падает с 63% до 57%. Риск не победить в первом туре возникает еще для 4 губернаторов: наиболее серьезен он для губернаторов Московской области и Алтайского края, а также в Кемеровской и Амурской областях. Скорректированные явка и средний результат «Единой России» падают до 32%, «партия власти» в этом сценарии с высокой вероятностью утрачивает лидерство также во Владимирской, Ивановской, Смоленской областях и Забайкальском крае.

Возможность и размах фальсификаций ограничены в регионах продвинутой электоральной культуры, с большой долей населения крупных городов, более развитыми структурами гражданского общества и диверсифицированными элитами. Кроме того, как показывает практика вторых туров сентябрьских выборов, масштабная фальсификация становится практически невозможной там, где по каким-либо причинам произошла мобилизация избирателей и реальная явка является достаточно высокой.

«Покупка лояльности» остается работающей технологией на региональных выборах, но с весьма ограниченным ареалом применения. В целом влияние социально-экономических факторов на результаты выборов практически не просматривается. Перечисленные выше технологии доминирования (ограничение конкуренции, низкая явка, административный ресурс и фальсификации) являются более мощными факторами, перекрывающими возможный эффект социально-экономической динамики. При этом вполне рабочим инструментом остается подкуп избирателей за счет резкого наращивания социальных расходов бюджетов и социальных выплат. Такая стратегия стала фактором убедительной победы глав регионов в Москве и Магаданской области (при низком уровне регистрируемых статистическими методами фальсификаций). В Московской области наращивание социальных расходов вкупе с фальсификациями позволило губернатору уйти от поражения в первом туре. Вместе с тем этот инструмент не срабатывает при наличии внутриэлитного конфликта или априорно низком рейтинге инкумбента, как это случилось в Хакасии. В большинстве регионов он не был задействован – власти полагались на перечисленные выше более дешевые способы победить.

В целом существенное ухудшение электоральных позиций политического режима, ослабление иллюзии его «подавляющего доминирования» нельзя назвать кризисом, но можно квалифицировать как признак существенной внутренней неустойчивости. Причиной электорального ослабления российского авторитаризма можно считать комбинацию трех факторов: (1) негативного шока от объявленной пенсионной реформы на фоне (2) продолжающейся стагнации или падения реальных доходов населения и (3) накапливающегося раздражения волонтаристской и силовой политикой Кремля в отношении региональных элит. География электоральных неудач сдвинута на Дальний Восток, однако, как показывают, в частности, примеры Владимирской и Ульяновской областей, эти неудачи не являются проявлением «региональной специфики». Фактор «дальневосточности» лишь усиливал общую тенденцию.

На протяжении почти 20-летнего правления Владимира Путина можно отметить два эпизода существенной нестабильности, характеризовавшихся снижением доверия к режиму и лично к Путину, электоральным ослаблением режима и массовыми выступлениями. Первый приходился на конец 2004 – начало 2005 г. и был связан с совпавшими по времени отменой

губернаторских выборов и монетизацией льгот. Второй – в 2011 – 2012 гг. – был связан с возвращением Владимира Путина в президентское кресло, вызывавшим недовольство продвинутого городского класса и части элит. В первом случае преодолению нестабильности способствовала исключительно благоприятная экономическая конъюнктура, преодоление второго эпизода было связано с широкой консервативной мобилизацией, ужесточением авторитарных практик режима и разворотом внешнеполитического курса. Характер реакции на нынешний эпизод прояснится в течение ближайших месяцев, однако очевидно, что важнейшим ориентиром при ее выработке станет подготовка политической системы к решению проблемы 2024 г.

Раздел 1. Региональные выборы-2018: технологии электорального доминирования и их ограничения

Александр Кынев, Николай Петров, Кирилл Рогов

Экспозиция: ограничение доступа и административный ресурс

Введенная в России система единого дня голосования для региональных избирательных компаний превращает это событие в своего рода промежуточные выборы федерального масштаба. 9 сентября в четверти регионов (22) избирали глав исполнительной власти прямым голосованием (еще в 4 – на сессии регионального парламента), в 16 регионах избирались региональные парламента, в 12 – советы административных центров, в 4 проходили прямые выборы мэров столиц (отмененные в большинстве регионов) и, наконец, по 7 округам прошли дополнительные выборы депутатов Думы. Всего выборы охватили территории проживания около 52 млн. избирателей (более 47% всех избирателей), в том числе - крупные регионы с большой историей конкурентных выборов и существенными конфликтами в элитах (Москва, Московская, Архангельская, Иркутская, Свердловская области, Якутия, Бурятия, Красноярский край и др.).

Из 22 губернаторских выборов лишь 7 были плановыми, а 15 – досрочными. По установившемуся порядку президент вполне произвольно заменяет избранных губернаторов: после серии арестов в губернаторском корпусе они сами пишут заявление об отставке, опасаясь уголовных преследований, а президент назначает временно исполняющего обязанности, который, уже находясь в офисе, должен организовать свои собственные выборы, продемонстрировав таким образом способность консолидировать административные ресурсы и управлять «электоральной машиной»¹. Как видим, еще до начала избирательной кампании обновление охватило 73% регионов (в 2013 – 2016 гг. ротация составляла 33 – 55%, в 2017 году – 70%).

В ходе кампании административная машина жестко контролировала доступ к выборам кандидатов и партийных списков, а «системная оппозиция» охотно шла на неформальные соглашения и «договорные матчи» с представителями исполнительной вертикали. Имеющие электоральный потенциал альтернативные кандидаты либо сами отказались от борьбы (мэр Новосибирска коммунист А. Локоть, депутат Думы от ЛДПР Владимир Сысоев в Тюменской

¹ О новой практике губернаторских выборов-назначений см. Александр Кынев. *Региональный аспект политической реформы: новая модель вертикальной интеграции - Политическое развитие России. 2014 – 2016. Институты и практики авторитарной консолидации. М. 2016.*

области), либо не были выдвинуты собственными партиями (коммунисты М. Матвеев в Самарской области и Е. Шувалова в Москве заменены партией на более слабых кандидатов), либо получили «отступные» назначения (коммунист Андрей Клычков назначен врио губернатора Орловской области и не участвовал в выборах мэра Москвы, потенциальный кандидат ЛДПР в Амурской области получил место в Совете Федерации), либо не смогли преодолеть муниципальный фильтр (оппозиционер Дмитрий Гудков в Москве, предприниматель Виталий Рыбаков в Орловской области). КПРФ не стала выдвигать кандидатов в четырех из 22 регионов – Омской и Новосибирской областях, Алтайском и Красноярском краях, – несмотря на то, что на думских выборах набрала в них соответственно 25.2%, 19.6%, 17.3% и 14.4%. ЛДПР не выдвинула кандидата только в Амурской области, где как раз ее результат в 2016 г. был наилучшими – 29,0%. В Якутии партия «Гражданская платформа» отозвала своего кандидата Эрнста Березкина, который в 2014 г. на таких же выборах занял второе место с 29.5%. Иными словами, задачей системной оппозиции, как видно из этих кейсов, является не выигрывать, а проигрывать выборы кандидатам «исполнительной вертикали».

На выборах заксобраний было выдвинуто 139 списков (8,7 на регион), до дня выборов дошли 103 – 6,44 на регион. Это самое низкое значение с 2012 года (в 2016 и 2017 - 9,5). Не был допущен целый ряд списков от партий, имевших неплохие электоральные перспективы («Патриоты России» в Красноярске, Партия Социальных Реформ в Ненецком АО, Яблоко и Парнас в Ярославле, Партия Дела и «Родина» в Забайкальском крае и др.)².

Ограничение доступа к выборам, обеспечивающее подбор заведомо слабых конкурентов назначенному лидеру гонки, и мобилизация административных ресурсов – базовые технологии электорального доминирования. Однако на этот раз в целом ряде регионов они дали сбой.

Итоги выборов: масштаб проблемы

Сенсацией выборов стало то, что действующие главы сразу 4 регионов не смогли одержать победу в первом туре, а во втором проиграли. С возобновления практики прямых выборов губернаторов в 2012 г. второй тур случился лишь однажды (в Иркутске в 2015 г.). Еще в 3 регионах (Хакасия, Иркутская и Ульяновская области) «Единая Россия» (ЕР) не набрала даже относительного большинства голосов на выборах в законодательные собрания, уступив первенство КПРФ. Такое также не случалось ни разу с 2007 г. (Данные об итогах голосования

² См. подробнее об этом: *Итоги регистрации кандидатов и партийных списков на российских выборах 2018 г. Аналитический доклад No 3 по Мониторингу выборов 09.09.2018* (http://liberal.ru/upload/files/03_Vibori_doklad.pdf)

по 22 губернаторским выборам и 16 выборам законодательных собраний см. в **Приложении** к настоящему разделу).

Таким образом, режим не сумел продемонстрировать свое электоральное доминирование в 7 крупных кампаниях из 38 (18%). Учитывая, что в предыдущие 6 лет власть не проигрывала региональные губернаторские и «парламентские» кампании, такой результат выглядит более чем значимым. В целом же средний результат ЕР (медиана) в 16 регионах снизился с 46% в 2013 г. до 38% в 2018, а результат действующих глав регионов на губернаторских выборах снизился по сравнению с 2017 г. на 10 проц. пунктов (с 76% до 66%, примерно такая же разница в сравнении с предыдущими выборами в голосовавших регионах, см. **Табл.1**, а также **Приложение**, **Табл.6**), и даже количество одномандатных округов, выигранных ЕР, сократилось с 92% в 2015 – 2016 г. и 87% в 2017 г. до 72% в нынешнем³.

Таб. 1. Усредненные значения (медиана) результатов прямых выборов губернаторов в 2012 - 2018 гг.

	количество регионов	явка	голоса за победителя	второй кандидат
2012-2013	14	38	69	14
2014	29	43	80	8
2015	22	39	71	12
2016	7	46	72	11
2017	16	44	76	9
2018	22	39	66	16

Табл. 2. Усредненные значения (медиана) результатов партий в 16 регионах в 2011 - 2018 гг.

	2011 (Дума)	2013 (регионы)	2016 (Дума)	2018 (регионы)
ЕР	43	46	45	38
КПРФ	19	14	17	24
КПРФ+		18	20	29
ЛДПР	13	7	17	15

*КПРФ+ - результат всех коммунистических партий, участвовавших в выборах

³ Ср. также Григорий Голосов *Обнуление Крымнаша. Почему «партия власти» просела на региональных выборах?* (<https://planperemen.org/opinion/golosov/12092018>); подробный обзор результатов голосования см. также: *Итоги голосования и результаты выборов 9 сентября 2018 г. Аналитический доклад № 6 по Мониторингу выборов 09.09.2018* (http://liberal.ru/upload/files/06_monitoring_2018_itogi.pdf)

В целом, как видим, речь не идет о системном кризисе политической машины. Несмотря на значимое снижение показателей, исполнительная вертикаль способна демонстрировать подавляющее преимущество (>65%) на губернаторских выборах в более чем половине регионов. На партийном поле ситуация хуже: ЕР с трудом удерживает образ доминирующей партии, который становится все менее и менее убедительным. Речь в целом идет не о кризисе электоральной машины, а об умеренном, но достаточно широком тренде размывания поддержки режима и эрозии его электоральных практик, обеспечивавших подавляющее доминирование исполнительной коалиции на электоральном поле в предыдущие 6 лет. Между тем снижение «уровня доминирования» само по себе представляет серьезную опасность в условиях электорального авторитаризма, что и продемонстрировали вторые туры губернаторских выборов.

Следует также отметить, что приведенные выше усредненные данные характеризуют не реальный уровень поддержки губернаторов и ЕР, а именно электоральные позиции режима – его способность конвертировать при помощи различных техник реальный уровень поддержки в образ «подавляющего преимущества»⁴. Помимо уже упомянутых техник (ограничение доступа к выборам, снижение явки, мобилизация административных ресурсов и проч.) устойчивым институтом электоральных манипуляций, как и во многих других электоральных авторитаризмах, являются фальсификации итогов голосования⁵.

Оценка вероятного уровня фальсификаций статистическими методами показывает, что на губернаторских выборах «аномальные голоса» составляют до 25% от всех голосов инкумбента, а на выборах в заксобранья – около трети голосов за ЕР. Столь высокие цифры, впрочем, обеспечивают во многом около четверти регионов со сверхвысоким уровнем «аномального голосования». Если скорректировать результаты, вычитая «аномальные голоса», то средний результат инкумбента в первом туре падает с 64% до 57%. Риск не победить в первом туре возникает еще для 4 губернаторов: наиболее серьезен он для губернаторов Московской области и Алтайского края, Амурской области, а также для Кемеровской области, где официальный результат является самым высоким в нынешней панели.. (В этом, впрочем, нет ничего удивительного: там, где существует возможность «рисовать» результаты, власти не занимаются политической мобилизацией избирателей.) Скорректированные явка и средний результат ЕР опускаются до 32%. «Партия власти» с высокой вероятностью утратила бы в этом сценарии

⁴ О роли образа «подавляющего преимущества» в авторитарных режимах и их электоральных практиках см. Magaloni B. Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – 2006.

⁵ См. обзор и дискуссию по поводу фальсификаций Simpser A. Why governments and parties manipulate elections: theory, practice, and implications. – Cambridge University Press, 2013

лидерство в голосовании по партийным спискам также в Забайкальском крае, Владимирской, Ивановской и, возможно, Смоленской областях. Таким образом, исключение фальсификаций с определенной вероятностью ведет к тому, что к 7 проигранным кампаниям добавляются еще 7 - 8 либо проигранных, либо выигранных «на грани», доля кампаний, в которых исполнительная кампания не смогла продемонстрировать свое электоральное доминирование достигает 40% (методика, расчеты и сопоставления см. в **Разделе 3**).

Эскалация электорального протеста

Вторые туры губернаторских выборов – сплошь проигранные «исполнительной коалицией» - стали второй и, пожалуй, самой главной для нее неприятностью на сентябрьских выборах. Результаты первого тура везде, кроме Хакасии, где инкубент уже проигрывал сопернику 12%, не выглядели катастрофическими. В Приморье кандидату Кремля А. Тарасенко не хватило 4% голосов до победы. По всей видимости, и Кремль был уверен в успехе, по крайней мере – в двух или трех регионах. Выборы в Приморье даже перенесли на неделю раньше: предполагалось, что на фоне публичной поддержки президента Путина Тарасенко (достаточно сильный кандидат) триумфально победит соперника – статиста от КПРФ, отрыв от которого в первом туре составлял у него 22 пп., и эта победа задаст базовый сценарий вторых туров для других регионов.

Но Тарасенко проиграл. В ночь подсчета голосов была предпринята отчаянная попытка фальсификации результатов (включая переписывание уже введенных в систему ГАС-Выборы протоколов). Однако, учитывая масштаб вероятного скандала, Кремль предпочел пойти на отмену выборов (для которой, впрочем, не было законных оснований). Очистка результатов от «аномальных голосов» (фальсификаций) показывает, что за коммуниста Ищенко проголосовало около 60%, а за Тарасенко – около 40% (см. Раздел 3). Приморье стало, таким образом, важнейшим символическим и политическим поражением Кремля, за которым последовал разгром действующих губернаторов в Хабаровской и Владимирской областях: соперники, считавшиеся перед первым туром несерьезными, победили их с 2-2.5 кратным перевесом (Табл.3). В Хакасии, предвидя такой сценарий, власти просто отменили голосование.

Табл. 3. Результаты 1 и 2 туров выборов в Приморье, Владимирской и Хабаровской областях.

	1 тур			2 тур			прирост явки, пп	прирост голосов кандидата оппозиции, пп
	Явка, %	Инкубент, %	кандидат оппозиции, %	Явка, %	Инкубент, %	кандидат оппозиции, %		
Приморье	30.2	46.6	24.6	35.4	49.6	48.1	5.2	23.4

Хабаровская обл	36.1	35.6	35.8	47.4	28.0	69.6	11.4	33.8
Владимирская обл	32.9	36.4	31.2	38.3	37.5	57.0	5.4	20.6

Наиболее важным в картине этого разгрома представляется резкий рост явки во втором туре. Это означает, что против губернатора голосовали не только все сторонники прочих кандидатов, но и специально пришедшие к урнам избиратели, не ходившие на первый тур. При этом особенно интенсивно явка росла в городах – столицах регионов: во Владимире и Владивостоке она выросла на треть, а в Хабаровске – в полтора раза (с 33 до 48%).

Сценарий эскалации протестного голосования выглядит очень тревожным сигналом. Неспособность представителя властной вертикали победить в первом туре подрывает образ «подавляющего преимущества» властного кандидата и становится для недовольных групп мобилизующим фактором. Оппозиционный кандидат на губернаторских выборах в 75% случаев побеждал во втором туре и в 1990-е гг., комментирует ситуацию классик российской электоральной географии Дмитрий Орешкин. Вместе с тем резкий рост явки, обеспечивший в нынешней кампании разгромные результаты вторых туров при заведомо слабых кандидатах, свидетельствует о наличии 5 – 10% протестно настроенных избирателей, которые не ходят на выборы, считая невозможным повлиять на их исход, но в случае прихода, превращаясь в 12 – 25% голосов, способны радикально изменить расклад сил.

Эти кейсы выглядят особенно важными потому, что подобное сочетание внешней инерционной стабильности, кажущейся успешности многократно отработанных практик электорального манипулирования и внутренней хрупкости политической системы, обнаруживающей уязвимость перед внезапной, непрогнозируемой эскалацией протеста, характерно для стандартного сценария «цветных революций». Ожидать «цветной революции» в России в близком будущем не стоит, однако представление об устойчивости политического режима и надежности его электорального преимущества следует считать преувеличенным, а потенциал протестной консолидации – сильно недооцененным.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, проявившее себя в сценариях вторых туров. В условиях внезапной политической мобилизации и роста реальной явки традиционные технологии фальсификации выборов оказываются практически невозможными. Во всех трех регионах уровень фоновых фальсификаций на уровне участков во втором туре снижался, а попытки фальсифицировать результаты на этапе ввода в систему ГАС-Выборы вызвали мощный скандал.

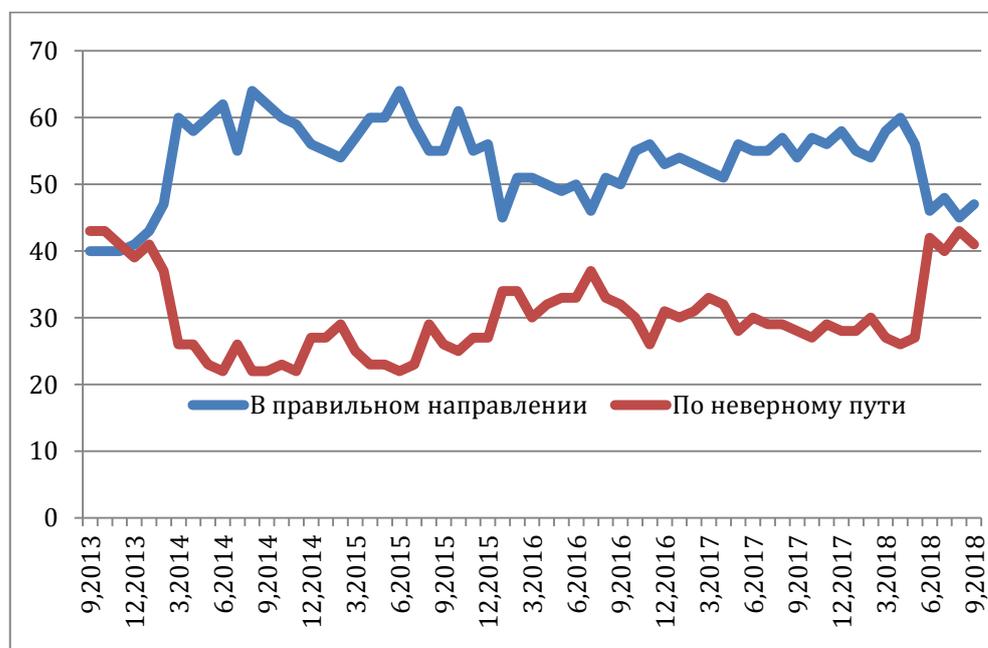
Паттерн «протестного голосования» проявил себя еще на думских выборах 2011 г., где такое голосование имело характер организованной оппозицией кампании. Сентябрьские

выборы 2018 г. показали, что этот паттерн вошел в практики электорального поведения и может воспроизводиться без особых организационных усилий на различных площадках и при голосовании как по партийным спискам, так и по мажоритарным округам. (В ряд ярких протестных голосований можно поставить и победу на выборах мэра Якутска Сарданы Авксентьевой: ей жители «передали» голоса, которые намеревались отдать за не допущенного до выборов депутата Госсовета Владимира Федорова.)

Причины и механизмы

Как и предупреждали эксперты, технология «единого дня голосования» может вести к тому, что региональные выборы оказываются под мощным влиянием общефедеральных трендов социальных настроений, перекрывающих локальные повестки. Кампания 2018 г. проходила под влиянием заявленной в начале лета пенсионной реформы, негативно воспринятой населением и вызвавшей резкое ухудшение социальных настроений и отношения к «власти»⁶. Баланс оценок положения дел в стране снизился до слабо положительных, близких к нулю, хотя и не перешел в область устойчиво отрицательных значений, как это было в 1990-е гг. и начале 2000-х; впрочем, отрицательные значения наблюдаются у средних возрастов и в особенности - у пред-пенсионной возрастной группы (см. **Графики 1 и 2**). Резко выросли протестные настроения (**График 3**).

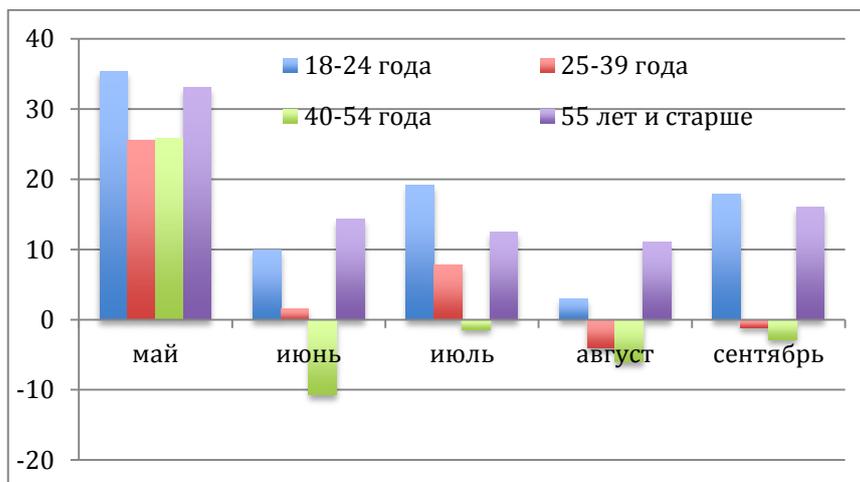
График 1. Оценки положения дел в стране

Данные «Левада-центр»

⁶ См., в частности, Денис Волков *Усталость и пенсии. Что происходит с рейтингом Владимира Путина* – Московский центр Карнеги (<https://carnegie.ru/commentary/77148>)

График 2. Баланс оценок положения дел в возрастных группах (разница положительных и отрицательных оценок)

Данные «Левада-центр»

График 3. Протестные настроения: вероятность протестов с политическими требованиями и готовность участвовать в них

Данные «Левада-центр»

Следует отметить, что традиционно доля интересующихся региональными выборами и участвующих в них выше всего среди пенсионеров. Однако в этом году повысилась активность людей пред-пенсионного возраста – 47% опрошенных заявили, что известие о пенсионной реформе повлияло на их намерение участвовать в выборах (Табл. 4)⁷.

⁷ На основе данных этого опроса в ряде СМИ появились утверждения, что пенсионная реформа не повлияла на голосование и намерение в нем участвовать. Эта интерпретация данных является ошибочной. Всего 56% опрошенных подтвердили, что в их округах проходили выборы (это несколько завышенная оценка, выборы охватывали около 50% населения), лишь 43% от всех респондентов сказали, что интересуются выборами (это на четверть меньше, чем те, у кого выборы проходили) и лишь 28% (половина от тех, у кого были выборы), сказали, что ходили голосовать (это завышенная оценка, участвовали в выборах примерно 30% из тех, в чьих округах они

Табл. 4. Отношение к региональным выборам в различных демографических группах, сентябрь 2018 г.

	всего	муж	жен	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше
<i>Следили ли вы за выборами губернаторов, депутатов законодательных собраний, депутатов и глав муниципалитетов, которые проходили ... 9 сентября?</i>							
Внимательно следили	16	17	15	10	11	18	21
Следили без особого внимания	27	23	30	24	23	25	32
<i>Проходили ли 9 сентября такие выборы в том месте, где вы живете, и если да, принимали ли вы участие в этих выборах?</i>							
Проходили, и я принимал(а) в них участие	28	26	29	20	27	27	31
<i>Повлияло ли объявление о повышении пенсионного возраста на ваше решение участвовать в выборах?</i>							
1. Да	33	35	31	22	32	47	26

Данные «Левада-центр»

В результате традиционные технологии электорального доминирования давали сбой. Оппонирующие «власти» партии и кандидаты оказались (часто не по своей воле) фокусом электоральной мобилизации, спровоцированной негативным отношением к реформе. Это вело к кумулятивному эффекту и перетоку голосов оппозиционно настроенных избирателей между оппозиционными списками и кандидатами. Если на губернаторских выборах предыдущих лет сложилась ситуация «деперсонализации губернаторов»⁸, которые стали символизировать власть как таковую, абсорбируя доверие, которым она пользовалась, то пенсионная реформа обозначила обратную «деперсонализацию протеста», когда символическое голосование «против» стало важнее того, кому отдается голос. В результате грозными соперниками действующих глав регионов и опытных политиков могли становиться даже технические малоизвестные кандидаты, если они выступали против пенсионной реформы.

С 2012 г. низкая интенсивность региональных выборных кампаний отражала сознательную установку властей на занижение явки – отсечение от участия в выборах активных социальных групп. Отсутствие или крайняя слабость кандидатов и партий центристско-

состоялись). Таким образом, доля тех, на чье решение участвовать в выборах повлияла реформа, составляет примерно 40% в сравнении с долей тех, кто выборами интересуется, и примерно 60% в сравнении с долей тех, кто на выборы ходил. На то, что именно пенсионная реформа оказывала мощное влияние на социальные настроения в последние месяцы, определенно указывает динамика оценок положения дел в стране на Граф.1.

⁸ См. Александр Кынев Де пер с она ли за ц и я ре ги о нов Э ле к то ра л ь н ы е м а ш и н ы п о д в не ш н и м у п ра в л е н и е м – А н а т о м и я т р и у м ф а. Как устроены президентские выборы в России. (<https://www.inliberty.ru/article/regime-kynev/>)

либерального спектра снижали стимулы участия для соответствующих контингентов. Однако в 2018 г. низкая явка перестала быть эффективным механизмом электорального доминирования: тема пенсионной реформы политизировала базовый контингент патерналистски настроенных и лояльных избирателей.

Этот процесс хорошо виден при анализе партийного голосования. Если выделить регионы с низкой и умеренной явкой (до 40%; высокая явка коррелирует со сверхвысокими уровнями фальсификаций, см. об этом **Разделе 3**), то в 10 таких регионах среднее значение для ЕР (медиана) – 33% голосов, для КПРФ – 26% и ЛДПР – 18% при средней явке 31%. Это означает, что основной контингент пришедших на выборы составляли четыре категории избирателей. Первые две – это голосующие за ЕР активные лоялисты (поддерживают власти) и пассивные лоялисты (те, кто идет голосовать под воздействием различных форм мягкого принуждения); вместе они составляют примерно треть пришедших, или около 9% от всех избирателей (см. **Табл. 5**). Около 40% пришедших на выборы – это ядерные электораты КПРФ и ЛДПР, в среднем 8% и 5% от всех избирателей соответственно. Таким образом, на выборах в основном присутствуют две группы в целом консервативно, патерналистски настроенных избирателей – лояльная и протестная. Переток или приток в одну или другую группу 2 – 3% от общего числа избирателей ведет к серьезному изменению всей картины предпочтений.

Таб. 5. Параметры явки и голосования за основные партии на выборах в законодательные собрания 10 регионов, от общего числа избирателей*

	диапазон	среднее	медиана
явка	22 - 41%	31%	29%
ЕР	6 - 16%	11%	10%
КПРФ	5 - 15%	8%	8%
ЛДПР	4-9%	6%	5%

*Республики Ненецкий АО, Республики Хакасия и Бурятия, Архангельская, Владимирская, Иркутская, Смоленская, Ивановская, Ярославская области и Забайкальский край

В целом электоральная динамика трех основных допущенных к выборам партий демонстрирует хрупкость и перекошенность партийной системы. «Единая Россия» так и не стала реальной доминирующей партией, располагающей устойчивым абсолютным большинством (>50%), т.е. не стала структурной опорой авторитарного режима. Она утратила связь с центристски настроенным избирателем и фактически находится на одном патерналистско-консервативном поле со своими основными конкурентами – КПРФ и ЛДПР. При этом, оставаясь клиентелой исполнительной коалиции, она является скорее раздражителем и «проблемным активом», а при возникновении негативных трендов общественных настроений становится объектом протестной консолидации («все против «Единой России»).

Впрочем, ослабление электоральных позиций российского авторитарного режима на сентябрьских выборах и эскалация протеста во вторых турах выглядят не только шлейфом пенсионной реформы, но результатом сложения нескольких факторов. Следует прежде всего упомянуть о продолжающемся снижении реальных зарплат и реальных доходов населения в большинстве выборных регионов. И хотя корреляция между социально-экономическими показателями и результатами голосования за ЕР и инкумбентов отсутствует (подробнее см. в **Разделе 2**), недовольство объявленной (фискальной по своей сути) пенсионной реформой и негативный тренд динамики доходов создают кумулятивный эффект. Смирившимся со снижением или стагнацией доходов после 2014 г. гражданам предложили еще один вычет из будущих доходов, которые они считали гарантированными.

Наконец, еще одним фактором стало растущее напряжение во взаимоотношениях Кремля и регионов, прежде всего – региональных элит. После укрепления политических и электоральных позиций режима в 2014 – 2016 гг. и усиления его репрессивных институтов Кремль практикует жесткий централистский подход в этих взаимоотношениях, выражающийся в подчеркнуто произвольных назначениях губернаторов и силовом давлении на местные элиты, т.е. практикует модель своего рода «внешнего управления» в отношении регионов. Пока электоральные позиции Кремля были сильны, эта политика, хотя и вела к росту напряжения во внутриэлитных отношениях, не встречала прямого сопротивления. Более того, в условиях популярности центральной власти она часто пользовалась поддержкой местного населения как обновленческая и контрэлитная. Однако голосование во вторых турах губернаторских выборов показывает, что даже относительное ослабление общей поддержки режима (Кремля) может вести к резкой актуализации оппозиции «свой–чужой» и солидаризации населения и местных элит в своем недовольстве центром.

Приложение.

Таблица 6. Официальные результаты губернаторских выборов и предыдущих выборов.

	явка	Результат инкумбента	Результат ближайшего конкурента	Результат инкумбента на предыдущих выборах
Кемеровская обл.	66.5	81.3	5.0	96.7
Чукотский авт. округ	60.2	57.8	18.4	79.8
Орловская обл.	57.8	83.6	4.9	89.2
Тюменская обл.	57.3	65.9	13.0	86.6
Респ. Саха (Якутия)	50.7	71.4	12.0	58.8
Самарская обл.	48.0	72.6	10.0	91.4
Воронежская обл.	44.8	72.5	13.7	88.8

Омская обл.	43.6	82.6	8.5	60.0
Респ. Хакасия	41.9	44.8	32.4	63.4
Нижегородская обл.	40.5	67.7	16.6	86.9
Магаданская обл.	39.6	81.6	10.1	73.1
Московская обл.	38.6	62.5	13.0	79.0
Алтайский край	37.3	53.6	16.2	73.0
Псковская обл.	36.9	70.7	13.9	70.7
Хабаровский край	36.1	35.6	35.8	63.9
Владимирская обл.	32.9	36.4	31.2	74.7
Ивановская обл.	32.9	65.7	11.9	80.3
Амурская обл.	31.3	55.6	26.6	50.6
Москва	31.0	70.2	11.4	51.4
Новосибирская обл.	29.5	64.5	17.3	65.0
Красноярский край	28.9	60.2	23.3	63.3
Приморский край	28.8	46.6	24.7	77.4
медиана	39.1	65.8	13.8	73.9
среднее	41.6	63.8	16.8	73.8

График 4. Официальные результаты губернаторских выборов: явка – результаты основных кандидатов.

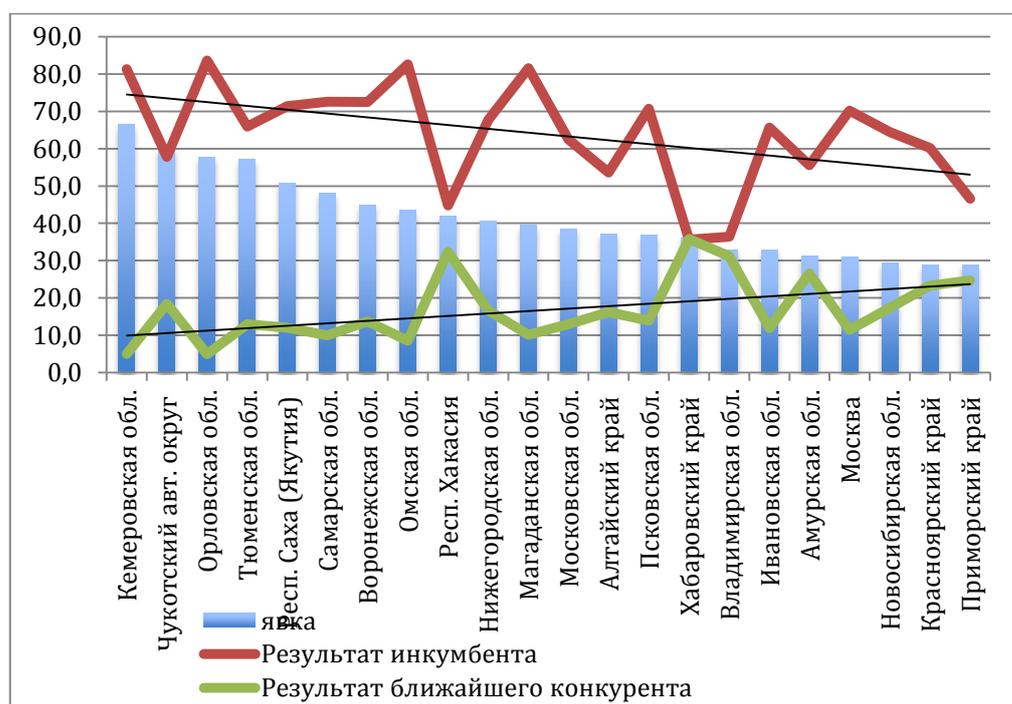
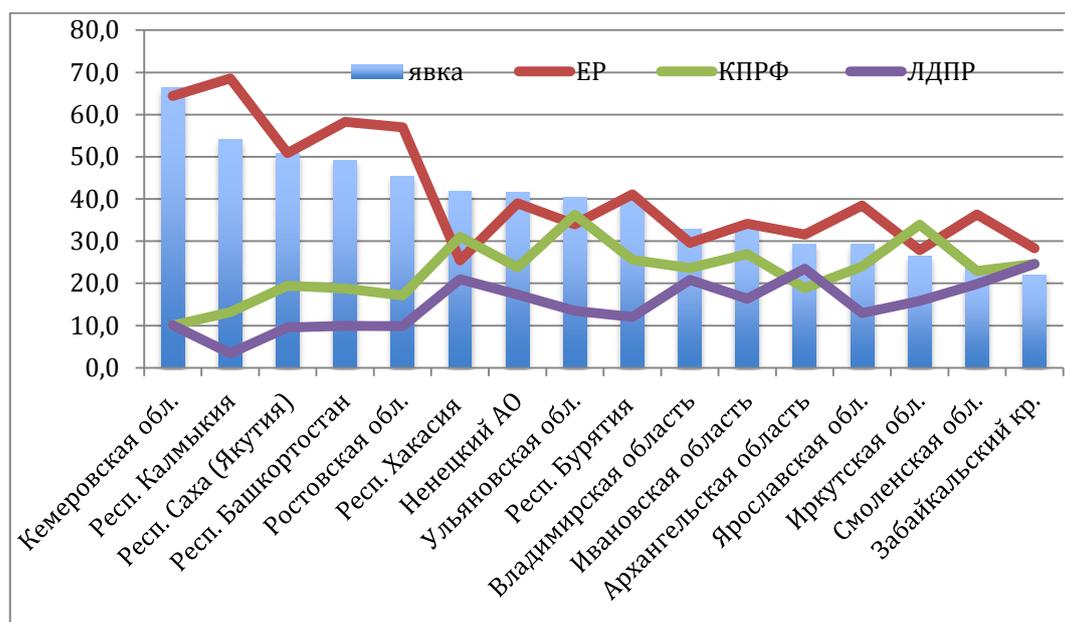

Таблица 6. Официальные результаты выборов в законодательные собрания регионов.

	явка	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СпрРос	другие
Кемеровская область	66.4	64.4	10.0	10.1	7.8	7.6
Республика Калмыкия	54.0	68.6	13.2	3.4	8.4	11.9

Республика Саха (Якутия)	50.7	50.8	19.4	9.6	16.3	9.4
Республика Башкортостан	49.1	58.3	18.8	10.0	5.5	10.8
Ростовская область	45.4	57.0	17.1	9.9	7.1	9.0
Республика Хакасия	41.9	25.5	31.0	21.0	7.1	10.9
Ненецкий авт. округ	41.5	39.0	23.8	17.4	5.4	10.7
Ульяновская область	40.3	34.0	36.2	13.5	4.0	5.9
Республика Бурятия	39.6	41.1	25.6	12.1	9.4	7.3
Владимирская область	32.9	29.6	23.7	20.8	10.2	4.2
Ивановская область	32.9	34.1	26.9	16.3	8.2	14.4
Архангельская область	29.3	31.6	18.8	23.5	15.1	9.8
Ярославская область	29.3	38.4	24.0	13.0	10.3	7.0
Иркутская область	26.3	27.8	33.9	15.8	7.0	9.3
Смоленская область	23.7	36.3	22.9	19.8	7.8	9.2
Забайкальский край	22.0	28.3	24.6	24.6	9.0	10.1
медиана	39.9	37.4	23.7	14.7	8.0	9.4
среднее	39.1	41.5	23.1	15.0	8.7	9.2

График 5. Официальные результаты выборов в законодательные собрания регионов: явка – результаты основных партий.

Раздел 2. «Подкуп» имеет значение, но ограниченное

Социально-экономические факторы региональных выборов 2018 г.

Наталья Зубаревич

Влияние социально-экономических факторов, т.е. проблем конкретного региона, на результаты региональных выборов, как правило, не слишком значительно. Намного важнее для динамики социальных настроений оказываются два общенациональных фактора – решение о повышении пенсионного возраста и длительное снижение доходов населения – более чем на 10% за 2014-2017 гг.

Рост доходов в первые месяцы 2018 г., обусловленный повышением заработной платы бюджетникам в рамках выполнения «майских указов», к лету почти прекратился: за январь-август реальные доходы выросли только на 1,4% (с учетом единовременной выплаты пенсионерам в 2017 г.). При этом в первом полугодии 2018 г. в 63 регионах продолжалось сокращение реальных доходов. Негативную динамику доходов имело и большинство регионов из тех, где прошли выборы губернаторов и законодательных собраний (Таблица 1). Если верить Росстату (региональная статистика не очень надежна), наиболее значительное снижение реальных доходов в 2014-2017 гг. и в 2018 г. произошло в Магаданской области. Но там губернатор получил один из самых высоких результатов. В Псковской области заметный спад доходов в 2018 г. также не помешал избранию губернатора-назначенца. В 4 регионах, где действующий глава региона не сумел победить, спад был средним или менее сильным. Снижение доходов населения, скорее всего, служило негативным фоном, но не драйвером протестного голосования.

Прочие социально-экономические факторы не создавали электоральных проблем. Рост промышленности продолжается в большинстве регионов с 2016 г., уровень безработицы стабильно низкий, как и показатели неполной занятости и задержек заработной платы. По совокупности социально-экономических индикаторов (промышленное производство, инвестиции, потребление, ввод жилья, доходы и потребление, рынок труда) среди «голосовавших» можно выделить две "крайние" группы регионов. Первая – менее затронутые кризисом или быстрее выходящие из него: Тюменская, Ростовская, Московская, Воронежская области и Якутия. Вторая – более затронутые кризисом или застарело проблемные: Ивановская, Орловская, Смоленская, Псковская, Амурская области, Бурятия. Остальные "посередине". В результатах выборов эти различия явно не проявились. Даже если бы региональные выборы

проводились без административного ресурса и в конкурентной борьбе, очевидной связи уровня и динамики развития регионов с результатами выборов скорее всего мы бы не увидели.

В большей степени на электоральное поведение населения влияет бюджетная политика федеральных и региональных властей в предвыборный период. Так, перед президентскими выборами стабильно увеличиваются трансферты регионам: в январе-мае 2018 г. они выросли на 12%, - это самые высокие темпы роста с 2012 г. Эта помощь была направлена прежде всего на выполнение майских зарплатных указов, а значит – ее невозможно сократить и "оптимизировать" после президентских выборов.

К губернаторским выборам регионам также подбрасывают денег, но меньше. Динамика трансфертов регионам, в которых выбирали губернаторов, показывает, где центр видел проблемы и хотел их купировать деньгами (Таблица 2). Это Омская и Магаданская области (рост на 52-53%), Якутия (39%, отчасти из-за снижения доходов ее бюджета в 2017 г.), Ивановская область (33%) и Алтайский край (28%), в меньшей степени – Новосибирская, Амурская и Воронежская области (21-24%). Также помогли Чукотскому АО (30%), но это связано не только с выборами. Таким образом, только 8 регионам из 34 помощь была увеличена существенно. Ни один из регионов, где кандидат власти не смог избраться, в этот список не попал. Более того, в Хакасии было введено жесткое казначейское сопровождение бюджета, трансферты выросли только на 8%. Сокращение трансфертов регионам-донорам – Москве и Самарской области – менее чувствительно для их бюджетов, особенно Москвы, а в случае Нижегородской объясняется высокой базой трансфертов предыдущего года.

Региональные власти перед выборами традиционно увеличивают расходы бюджетов. За 1-е полугодие 2018 г. они выросли на 9%, - это самые значительные темпы роста с 2012 г. Из регионов с губернаторскими выборами быстрее росли расходы бюджетов в девяти: в Тюменской и Магаданской областях (24-25%), Москве, Московской, Воронежской, Омской, Новосибирской областях, Алтайском крае (12-14%). В Приморском крае, Нижегородской и Ивановской областях рост расходов был минимальным (2-4%), при этом выборы здесь прошли по-разному.

Наиболее важной в электоральном отношении является динамика социальных расходов, особенно – на социальную защиту. В этой сфере полномочия регионов все еще значительно шире, есть возможность маневра и увеличения социальных пособий. Но в 2018 г. такого маневра не было в подавляющем большинстве случаев. Все силы и средства были брошены на выполнение майских зарплатных указов к президентским выборам, поэтому быстрее росли расходы на здравоохранение и культуру и образование (Таблица 2). Чтобы выполнить указы, большинству регионов пришлось экономить на поддержке ЖКХ и ограничивать рост расходов на экономику. На социальную защиту денег не осталось: без учета Москвы рост расходов на

пособия населению составил только 2%. Помимо дефицита средств, регионы должны были выполнять жесткие требования Минфина и Минтруда по оптимизации расходов на соцзащиту и переориентации на поддержку социально уязвимых групп. В итоге только три региона вполне использовали повышение социальных выплат населению в качестве электорального инструмента.

В целом стратегии социальной политики региональных властей перед губернаторскими выборами можно условно классифицировать по шкале от сверхактивной до минимальной.

Стратегия 1: значительный рост социальных расходов для "подкупа" электората. На "полную катушку" этот инструмент задействовала сверхбогатая Москва: в 1-м полугодии 2018 г. социальные выплаты населению выросли на 34% (без учета взносов на ОМС неработающего населения). Почти треть пошла на повышение московских доплат к пенсиям, значительно выросли расходы на образование и здравоохранение, чтобы снять социальное напряжение. В итоге мэрии удалось максимально привлечь на выборы лояльных избирателей, получивших выгоду от такой политики. Московская область действовала примерно так же, но в меньших объемах: здесь социальные выплаты населению выросли на 10%, в основном за счет роста доходов бюджета. И, наконец, отчаянные власти Хакасии, несмотря на огромный долг и дефицит бюджета, нарастили социальные выплаты на 16%. Но это уже не помогло.

Стратегия 2: ставка на выполнение майских зарплатных указов в надежде, что рост зарплат бюджетников поможет и на губернаторских выборах, иногда даже ценой дефицита бюджета. В наиболее явном виде этой стратегии следовала Магаданская область (глава региона получил здесь высокий результат). Схожая динамика расходов и в большинстве других регионов (Амурская, Владимирская, Орловская, Омская, Кемеровская, Воронежская, Псковская и другие области). Но степень влияния ее на исход выборов определить сложно.

Стратегия 3: минимальная реакция бюджетной политики на выборы губернаторов. Это Приморский край, где социальные расходы, кроме здравоохранения (в основном это повышение заработной платы), росли медленно, а социальные выплаты населению сократились на 4%. В Хабаровском крае динамика социальных расходов немногим лучше, но при более значительном росте расходов на несочальные цели, что привело к дефициту бюджета. Минимальным ростом социальных расходов отличался Чукотский АО. Выглядит так, что эти регионы не использовали на губернаторских выборах бюджетные инструменты.

Таким образом, можно выделить 3 региона, в которых без особых бюджетных усилий удалось добиться самых победных для власти результатов голосования на губернаторских выборах: Кемеровская, Орловская и Омская области. В Магаданской области и в Москве уверенной победе способствовали сильно возросшие расходы бюджета (и федеральная финансовая помощь в случае Магадана). Отчасти этот фактор был задействован в Московской

области, где губернатору удалось все же выиграть выборы. А вот в Хакасии он не спас положения. Наконец, в Приморье и Хабаровске поражение действующих глав региона имело место на фоне отказа от «покупки» населения.

Следует ли признать, что "не в деньгах счастье", и желаемый результат обеспечивается иными средствами, включая электоральные манипуляции? Пример Кемеровской области и некоторых других регионов «аномального голосования» показывает, что дополнительные бюллетени вполне могут заменить дополнительные деньги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Результаты выборов и основные социально-экономические показатели регионов

<i>Выборы губернаторов</i>						
	Явка	Доля голосов инкумбента/ЕР, %	Динамика промышленного производства	Реальная зарплата	Реальные доходы населения	
	%	%	2017 к 2014, %	2017 к 2014, %	2017 к 2014, %	январь-июнь 2018, %
РФ			-1	-5	-10,0	2
Орловская обл.	57,8	83,5	-8	-10	-10	-3
Омская обл.	43,6	82,6	1	-7	-16	-2
Магаданская обл.	39,6	81,6	15	-4	-20	-12
Кемеровская обл.	66,3	81,3	8	-4	-15	-3
Самарская обл.	47,9	72,6	-1	-9	-20	2
Воронежская обл.	44,8	72,5	15	-9	-8	3
Саха-Якутия	50,6	71,4	8	-4	-7	1
Псковская обл.	36,9	70,7	12	-13	-11	-6
Москва	30,9	70,2	-1	-5	-13	0
Нижегородская обл.	40,5	67,7	13	-6	-15	-1
Тюменская обл.	49,0	65,9	17	-8	-10	2
Ивановская обл.	32,9	65,7	-6	-12	-9	-6
Новосибирская обл.	29,5	64,5	5	-4	-10	0
Московская обл.	38,5	62,5	28	-9	-5	2
Красноярский кр.	28,9	60,2	4	-3	-7	0
Чукотский АО	60,2	57,8	-26	0	-13	-7

Амурская обл.	31,2	55,6	-15	-15	-8	-1
Алтайский кр.	37,3	53,6	4	-8	-7	0
Владимирская обл.	32,9		-1	-6	-10	-1
Хакасия	39,1		7	-4	-7	-3
Приморский кр.	30,2		-2	-8	-7	-3
Хабаровский кр.	36,1		23	-10	-9	0
Выборы региональных парламентов						
Калмыкия	46,1	69	6	-7	-2	-1
Кемеровская обл.	66,0	64	8	-4	-15	-3
Башкортостан	45,4	58	6	-4	-12	-1
Ростовская обл.	37,8	57	87	-6	-7	2
Саха-Якутия	45,5	51	8	-4	-7	1
Бурятия	37,8	41	-17	-8	-13	-1
Ненецкий АО	41,5	39	12	-13	-16	-3
Ярославская обл.	29,3	38	28	-11	-13	-6
Смоленская обл.	23,7	36	0	-9	-12	0
Ивановская обл.	31,2	34	-6	-12	-9	-6
Ульяновская обл.	34,4	34	8	-5	-18	-5
Архангельская обл.	25,2	32	22	-5	-15	-4
Владимирская обл.	28,5	30	-1	-6	-10	-1
Забайкальский кр.	22,1	28	0	-9	-14	-2
Иркутская обл.	23,9	28	14	-6	-15	0
Хакасия	37,8	26	7	-4	-7	-3

Таблица 2. Результаты выборов губернаторов и основные показатели консолидированных бюджетов регионов в 1-м полугодии 2018 г.

	Доля голосов инкумбента, %	Прирост доходов бюджета за счет дополнительных трансфертов, %	Динамика расходов, 1 полугод. 2018 к 1 полугод. 2017 г., %			
			Все расходы	Образование	Здравоохранение с ТФОМС	Социальные выплаты населению*

РФ		1.8	9	10	18	7
Орловская обл.	83,5	5.6	10	11	21	-5
Омская обл.	82,6	13.25	12	16	28	-1
Магаданская обл.	81,6	18.2	24	18	19	-3
Кемеровская обл.	81,3	1.43	11	14	23	2
Самарская обл.	72,6	-1.08	6	7	27	8
Воронежская обл.	72,5	4.2	14	14	25	-4
Саха-Якутия	71,4	13.65	14	11	22	6
Псковская обл.	70,7	6.12	8	13	19	0
Москва	70,2	-0.22	12	13	15	34
Нижегородская обл.	67,7	-1.76	2	5	18	3
Тюменская обл.	65,9	0.18	25	17	37	2
Ивановская обл.	65,7	13.2	4	12	26	2
Новосибирская обл.	64,5	2.88	14	11	30	3
Московская обл.	62,5	0.36	13	9	6	10
Красноярский кр.	60,2	0.96	8	4	29	-1
Чукотский АО	57,8	18.3	5	-6	2	2
Амурская обл.	55,6	4.4	11	19	21	-3
Алтайский кр.	53,6	11.76	12	12	14	2
Владимирская обл.		3.52	8	11	23	0
Хакасия Респ.		2	9	12	26	16
Приморский кр.		2.24	3	6	23	-4
Хабаровский кр.		-0.42	12	9	23	-5

Раздел 3. Региональные аномалии

Оценка вклада административного ресурса на сентябрьских выборах 2018 года

Сергей Шпилькин

Цель настоящего обзора – оценить масштабы применения административного ресурса для фальсификации результатов голосования на выборах губернаторов и законодательных собраний в сентябре 2018 года. Оценка произведена путем статистического анализа результатов голосования по участкам, позволяющих определить долю «аномальных голосов» (подробное описание методики см. **Приложение. Методы и диаграммы**; там же см. иллюстрирующие расчеты диаграммы).

Губернаторские выборы

9 сентября 2018 года прошли прямые выборы глав регионов в 22 регионах. Ниже в таблице приведены результаты голосования, оценки уровня фальсификаций и оценки реальной явки и реального результата административно поддерживаемого кандидата (А-кандидата) за вычетом фальсификаций для 21 региона (количество данных по Ненецкому автономному округу недостаточно для оценок). Для Тюменской области данные приведены отдельно по собственно Тюменской области и по ХМАО и ЯНАО, имеющим разную электоральную культуру.

Для каждого региона приводятся оценки реальной явки и реального результата кандидата двумя способами – по гистограммам распределения голосов и по центральному кластеру избирательных участков (см. Приложение Методы и диаграммы). Каждый из этих подходов имеет свои достоинства и недостатки и может давать сбои в особых ситуациях или при сильных фальсификациях. При сильных расхождениях оценок, полученных разными методами, значение, которое кажется автору более надежным исходя из визуального анализа распределений участков, выделено полужирным шрифтом. Для регионов с очень высоким уровнем фальсификаций обе оценки могут быть недостоверными. Такие значения выделены курсивом и сопровождаются комментарием под таблицей.

Две последние колонки таблицы представляют классификацию регионов по уровню фальсификаций. В качестве критерия взята доля "аномальных голосов" в общем количестве голосов за А-кандидата (то есть отношение «аномальных голосов» к общему числу голосов, поданных за кандидата согласно официальным данным); при этом используются те же границы классификации, что и при анализе президентских выборов 18 марта 2018 года⁹:

- группа 1 (фальсификаций мало): доля аномальных голосов в голосах А-кандидата <0.11
- группа 2 (заметные фальсификации): доля от 0.11 до 0.25
- группа 3 (сильные фальсификации): доля 0.25 и более.

Таблица 1. «Аномальные голоса» в результатах голосования за действующих глав регионов в 1 туре.

Регион	Официальная явка	Официальный результат А-кандидата	Без «аномальных голосов», метод 1 (распределение голосов)		Без «аномальных голосов», метод 2 (положение центрального кластера)		Доля аномальных голосов в голосах А-кандидата	Группа по уровню фальсификаций
			явка	результат	явка	результат		
Алтайский край	37.28%	53.61%	34.9%	50.4%	32.4%	51.4%	0.12	2
Амурская область	31.25%	55.60%	29.1%	52.4%	24.4%	53.4%	0.12	2
Владимирская область	32.94%	36.42%	31.9%	34.3%	30.7%	32.3%	0.09	1
Воронежская область	44.83%	72.52%	26.2%	53.0%	20.7%	52.3%	0.57	3
Ивановская область	32.90%	65.72%	30.0%	62.3%	27.2%	64.1%	0.14	2
Кемеровская область	66.47%	81.29%	27.3%	54.4%	74.6%	83.8%	0.73	3
Красноярский	28.94%	60.19%	26.0%	55.6%	22.8%	55.1%	0.17	2

⁹ См. <https://www.inliberty.ru/article/rogov/>

край								
Магаданская область	39.58%	81.59%	36.4%	80.0%	35.3%	79.9%	0.10	1
Москва	30.95%	70.17%	29.5%	68.7%	29.4%	69.3%	0.07	1
Московская область	38.59%	62.52%	28.7%	49.5%	28.9%	51.1%	0.41	3
Нижегородская область	40.51%	67.75%	29.6%	55.8%	23.2%	54.8%	0.40	3
Новосибирская область	29.52%	64.52%	28.9%	63.7%	21.3%	65.9%	0.03	1
Омская область	43.60%	82.56%	38.5%	80.3%	34.5%	80.4%	0.14	2
Орловская область	57.77%	83.55%	40.6%	76.6%	35.1%	77.8%	0.36	3
Приморский край	28.78%	46.56%	26.2%	41.5%	22.7%	39.2%	0.18	2
Псковская область	36.91%	70.68%	31.3%	65.4%	29.1%	65.3%	0.22	2
Республика Саха (Якутия)	50.71%	71.40%	28.5%	49.1%	44.2%	68.5%	0.61	3
Республика Хакасия	41.88%	32.42%	38.4%	26.3%	38.0%	24.4%	0.26	3
Самарская область	48.00%	72.63%	37.9%	65.3%	31.3%	64.8%	0.29	3
Тюменская область	57.30%	75.47%	42.6%	67.0%	43.0%	67.3%	0.34	3
Тюменская область - ХМАО	35.48%	44.90%	34.0%	42.5%	26.9%	42.9%	0.09	1
Тюменская область - ЯНАО	65.98%	74.94%	56.7%	70.8%	63.9%	75.3%	0.19	2
Хабаровский край	36.09%	35.62%	34.7%	33.0%	34.1%	32.6%	0.11	2

Примечания к таблице:

Методы 1 и 2 (среднее по центральному кластеру участков и оценка по гистограммам распределения голосов) см. Приложения. Методы и диаграммы

Скорректированные оценки явки и результата А-кандидата для Кемеровской области недостоверны; алгоритмы ошибаются из-за чрезвычайно высокого уровня фальсификаций. По диаграмме рассеяния реальную явку и результат можно приблизительно оценить в 30-35% и 42-48% соответственно.

Скорректированные оценки результата А-кандидата для Республики Саха недостоверны; алгоритмы ошибаются из-за чрезвычайно высокого уровня фальсификаций. По диаграмме рассеяния результат А-кандидата можно приблизительно оценить в 35-40%.

Скорректированная оценка явки для ХМАО ошибочна в силу большой неоднородности региона. Уровень фальсификаций в регионе низкий, официальные данные близки к реальности.

Скорректированные оценки явки и результата А-кандидата для ЯНАО недостоверны; алгоритмы ошибаются из-за чрезвычайно высокого уровня фальсификаций. По диаграмме рассеяния реальную явку и результат А-кандидата можно приблизительно оценить в 25-35% и 40-50% соответственно.

В целом следует отметить рост относительного уровня фальсификаций по сравнению с мартовскими президентскими выборами 2018 г. Ниже порога минимальных фальсификаций (<11%, группа 1) в этот раз оказались только Владимирская, Магаданская, Новосибирская области, Хабаровский край, Москва и ХМАО. Стоит заметить, что в этом списке – Хабаровский край и Владимирская область, в которых губернаторы не смогли выиграть в первом туре (в обоих регионах нет устоявшейся традиции выборных фальсификаций). Кроме того, в Новосибирской области, судя по распределению участков по явке, были приняты какие-то меры по ее повышению (возможно, административное давление на сельских избирателей), не повлиявшие, впрочем, непосредственно на волеизъявление избирателей.

В ряде регионов объем фальсификаций вырос по сравнению с президентскими выборами и абсолютно. Лидером тут, вероятно, следует признать Московскую область, где количество аномальных голосов по сравнению с президентскими выборами увеличилось в 2.9 раза. Также примечательно возобновление фальсификаций в Якутии, где на президентских выборах наблюдалось их непривычное отсутствие – впервые за многие годы. Кроме Московской области, в два и более раза вырос по сравнению с мартовскими выборами объем аномальных голосов в Алтайском крае, Ивановской области, Красноярском крае, Нижегородской, Омской, Орловской, Самарской, Воронежской областях.

Говоря о скорректированных на фальсификации результатах инкубентов, можно отметить шаткость положения губернаторов Алтайского края, Амурской, Воронежской и особенно Московской областей, которые без фальсификаций оказались бы в опасной близости от второго тура (в случае Московской области один из вариантов оценки дает скорректированный результат Воробьева ниже 50%). Также, видимо, к этой категории следует отнести Кемеровскую область с ее традиционно запредельно высоким уровнем фальсификаций, где при этом наблюдается небольшое количество участков с явкой 30-35% и, вероятно, близким к

реальному результатом губернатора 40-45%. С другой стороны, уверенные позиции губернатора не означают, что фальсификаций не будет, пример тому – Орловская область.

Второй тур губернаторских выборов в трех регионах принес резкое повышение явки (в том числе скорректированной с учетом фальсификаций) и продемонстрировал три разных варианта динамики фальсификаций.

В Приморском крае фальсификации, которые в первом туре затрагивали сотни из полутора тысяч участков края, во втором до последнего момента оставались почти нулевыми и возникли лишь к утру 17 сентября по московскому времени на очень ограниченном круге участков. В Хабаровском крае уровень аномальных голосов по сравнению с первым туром вырос несильно, особенно на фоне значительной поддержки противника действующего губернатора. Как и в случае Приморского края, большая часть административной машины особых усилий в борьбе за сохранение действующего губернатора не проявила. Во Владимирской области же первые порции поступавших в ГАС Выборы данных отличались чрезвычайно высоким уровнем фальсификаций и выглядели настолько неправдоподобно, что возник публичный скандал, в результате которого, по-видимому, искажения было решено прекратить и дальше считать честно. Итоговый уровень фальсификаций в результате, несмотря на принципиально разный медийный эффект, получился ненамного выше, чем в Хабаровском крае.

Таблица 2. «Аномальные голоса» в результатах голосования за действующих глав регионов во 2 туре

Регион	Официальная явка	Официальный результат А-кандидата	Без «аномальных голосов», метод 1 (распределение голосов)		Без «аномальных голосов», метод 2 (положение центрального кластера)		Доля аномальных голосов в голосах А-кандидата	Группа по уровню фальсификаций
			явка	результат	явка	результат		
Приморский край, II тур	33.76%	49.55%	29.0%	41.7%	28.0%	37.2%	0.27	3
Хабаровский край, II тур	47.49%	27.97%	45.4%	24.7%	47.6%	25.2%	0.16	2
Владимирская	38.29%	37.46%	35.5%	32.6%	36.9%	28.2%	0.19	2

область, II тур								
-----------------	--	--	--	--	--	--	--	--

В заключение приведем оценки аномалий голосования по пропорциональной системе по 15 регионам, где 9 сентября прошли выборы в региональные парламенты (итоги выборов в Ненецком автономном округе не рассматриваются из-за недостаточности статистики). Здесь везде в роли административно поддерживаемого кандидата (бенефициара фальсификаций) выступает партия «Единая Россия» (в том числе в областях, где победила КПРФ). Из анализа диаграмм можно также заключить, что в Башкортостане, Ростовской области, Смоленской области реальная (без учета фальсификаций) поддержка списка ЕР примерно одинакова с КПРФ.

Регион	Официальная явка	Официальный результат А-кандидата	Без «аномальных голосов», метод 1 (распределение голосов)		Без «аномальных голосов», метод 2 (положение центрального кластера)		Доля аномальных голосов в голосах А-кандидата	Группа по уровню фальсификаций
			явка	результат	явка	результат		
Архангельская область	29.34%	31.59%	28.43%	29.38%	27.07%	24.69%	0.10	1
Владимирская область	32.92%	29.56%	31.59%	26.61%	30.79%	25.59%	0.14	2
Забайкальский край	22.04%	28.30%	19.60%	19.34%	15.79%	17.95%	0.39	3
Ивановская область	32.91%	34.14%	29.46%	26.42%	26.47%	26.27%	0.31	3
Иркутская область	26.33%	27.83%	25.07%	24.17%	22.73%	21.02%	0.17	2
Кемеровская область	66.39%	64.40%	41.96%	43.60%	73.12%	68.80%	0.57	3
Республика	49.09%	58.32%	36.76%	44.30%	31.28%	43.90%	0.43	3

Башкортостана								
Республика Бурятия	39.58%	41.08%	36.62%	36.31%	31.59%	35.49%	0.18	2
Республика Калмыкия	54.03%	68.52%	32.30%	47.33%	36.26%	52.96%	0.59	3
Республика Саха (Якутия)	50.69%	50.84%	37.90%	34.21%	40.75%	39.74%	0.50	3
Республика Хакасия	41.85%	25.46%	40.89%	18.81%	37.20%	22.77%	0.09	1
Ростовская область	45.43%	56.98%	29.38%	33.47%	29.06%	36.04%	0.62	3
Смоленская область	23.67%	36.34%	20.56%	26.71%	17.83%	25.60%	0.36	3
Ульяновская область	40.31%	33.96%	34.18%	22.12%	32.92%	20.27%	0.45	3
Ярославская область	29.27%	38.43%	27.23%	33.80%	25.63%	35.90%	0.18	2

Примечания к таблице:

Скорректированные оценки явки и результата ЕР для Кемеровской области недостоверны; алгоритмы ошибаются из-за чрезвычайно высокого уровня фальсификаций. По диаграмме рассеяния реальную явку и результат ЕР можно приблизительно оценить в 30-35% и 28-35% соответственно.

Скорректированные оценки явки и результата ЕР для Башкортостана недостоверны; алгоритмы ошибаются из-за чрезвычайно высокого уровня фальсификаций. По диаграмме рассеяния реальную явку и результат ЕР можно приблизительно оценить в 15-20% и 20-30% соответственно.

Результаты голосования за ЕР в Калмыкии, вероятно, искажены даже в основном кластере/в главном пике распределения голосов по явкам. В то время как оценки реальной явки, видимо, надежны, обе оценки результата ЕР представляются недостоверными.

Приложение. Методы и диаграммы

1. Введение.

В современной России административное вмешательство в ход выборов в день голосования, приводящее к фальсификациям, как правило, осуществляется в пользу правящей партии или действующего руководителя. В случае выборов депутатов по одномандатным возможны редкие исключения, когда поддерживаемый административно кандидат баллотируется от неправящей

партии. В случае губернаторских выборов и выборов в законодательные собрания бенефициарами такого вмешательства практически являются соответственно действующий губернатор (и.о. губернатора) и кандидаты от партии "Единая Россия".

Как показывает опыт, наиболее распространены следующие типы фальсификаций:

1) Вброс бюллетеней за административно поддерживаемого кандидата (далее А-кандидат). С точки зрения статистики от вброса неотличимы приписывание А-кандидату несуществующих дополнительных голосов и карусель (многократное голосование за А-кандидата специально подготовленных групп людей). Приводит к росту явки и увеличению процента А-кандидата, а также к снижению процентов остальных кандидатов за счет увеличения знаменателя.

2) Передача голосов от одного кандидата к другому (перекладывание бюллетеней, переписывание и т.п.). Не меняет явку, повышает процент А-кандидата и снижает процент прочих кандидатов.

3) Рисование произвольных результатов.

Тип (1) проще и технически "дешевле" других в реализации и потому встречается в регионах без устоявшихся традиций выборных фальсификаций. Тип (2) несколько сложнее в реализации и часто сочетается с добавлением голосов (тип 1). Тип (3) распространен в регионах с устойчивыми традициями фальсификаций.

2. Методика

Анализ данных выборов, содержащих фальсифицированные (искаженные) значения, можно рассматривать как задачу робастной (устойчивой к искажению части данных) статистики. Стандартные выборные показатели – явка и результаты кандидатов – неустойчивы к искажению отдельных точек данных (искажение явки или результата кандидата на части избирательных участков может привести к сильному искажению общей явки). В противоположность этому, например, медианная явка значительно менее чувствительна к фальсификациям. Надо отметить, что выбор подходящих для конкретной задачи робастных показателей субъективен, и правильность его в конечном счете определяется лишь разумностью получаемых результатов и их сравнением с другими источниками данных. В этой работе используются четыре робастных показателя выборной статистики: оценка явки и результата А-кандидата по центральному кластеру диаграммы рассеяния "явка-результат" и оценка явки и результата А-кандидата по гистограммам распределения голосов по явке.

Для анализа используются две проекции исходно многомерных выборных данных, представленные в виде стандартной диаграммы из двух панелей.

Правая панель: диаграмма рассеяния в координатах "явка на участке – результаты кандидатов". Каждому участку соответствует столько точек, сколько имеется кандидатов; размер точки соответствует количеству голосов за кандидата. Опыт показывает, что при отсутствии фальсификаций в регионе точки каждого кандидата образуют компактный одномодовый кластер. В случае фальсификации типа 1 подвергшийся фальсификации участок вместе с результатами всех кандидатов сдвигается на более высокие явки; при этом от кластера А-кандидата на диаграмме вытягивается "хвост" вправо вверх, а от остальных - вправо и немного вниз за счет уменьшения относительной доли в общем числе голосов. При фальсификации типа 2 без изменения кластер А-кандидата вытягивается вверх, а кластеры остальных кандидатов – вниз. При фальсификации типа 3 на диаграмме рассеяния нередко наблюдаются структуры в виде вертикальных и горизонтальных линий на "предпочтительных" значениях явки и результата А-кандидата соответственно. Для оценки неискаженных значений явки и результата А-кандидата используется усеченное среднее: средние значения явки и результата А-кандидата, взятые по наиболее плотному кластеру избирательных участков, охватывающих 50% зарегистрированных избирателей. Выделение кластера производится взвешенной версией метода минимального детерминанта ковариационной матрицы (см. <https://wis.kuleuven.be/stat/robust/papers/2010/wire-mcd.pdf>). Значения явки и результата А-кандидата, вычисленные по центральному кластеру, приведены в легенде правой панели наряду с официальными значениями явки и результата.

Левая панель: гистограмма распределения голосов за кандидатов по явке (количество голосов, поданных за кандидатов на участках, сгруппированных по интервалам итоговой явки размером 1% от целого процента до целого; значение явки 100% рассматривается как отдельный интервал). Фактически это проекция (маргинал) двумерного распределения из правой панели на ось явки. При отсутствии фальсификаций распределения голосов всех кандидатов по явке имеют колоколообразную форму и с хорошей точностью пропорциональны между собой. В случае фальсификации типа 1 распределения голосов за всех кандидатов вытягиваются в область больших явок (за счет возрастания явки на подвергшихся фальсификации участках), и, кроме того, в распределении голосов за А-кандидата появляется дополнительная составляющая, непропорциональная распределению голосов за других кандидатов (за счет добавления голосов за А-кандидата). Из получившегося распределения голосов за А-кандидата можно выделить слагаемое, пропорциональное распределению голосов за других кандидатов и совпадающее с распределением голосов за А-кандидата на низких явках ("нормальные голоса"). Тогда, как можно показать при довольно широких начальных предположениях, оставшееся слагаемое ("аномальные голоса"), обозначенное на диаграмме штриховкой, при суммировании

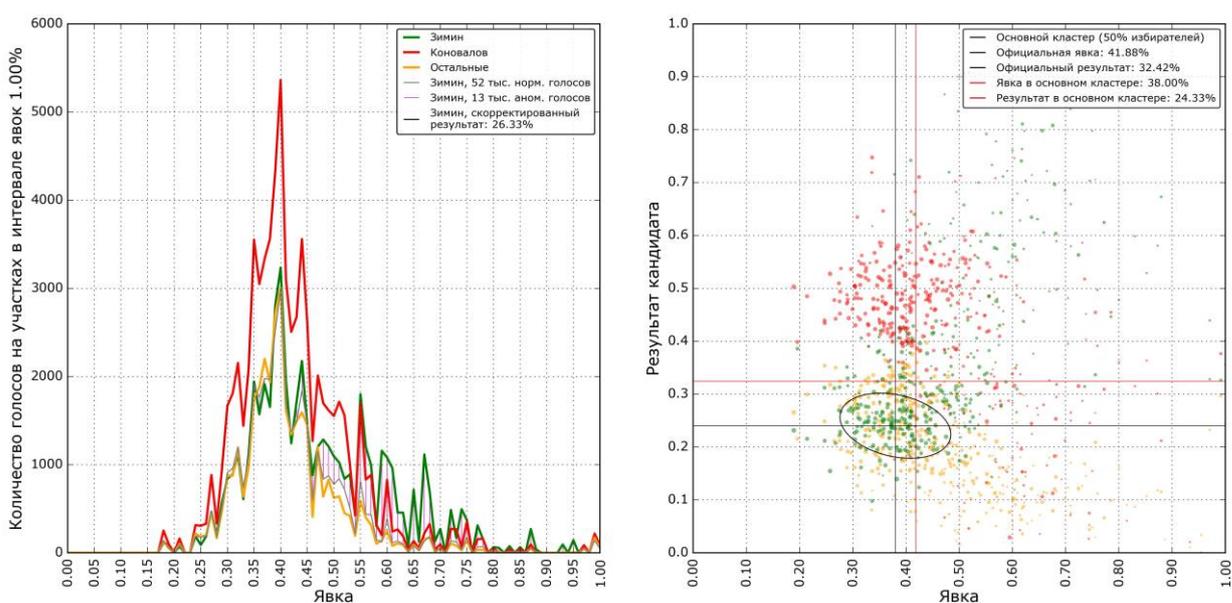
по явкам дает общее количество голосов, добавленных в результате вбросов/приписок. При комбинировании фальсификаций типа 1 2 и 3 аномальная составляющая голосов за А-кандидата ведет себя несколько сложнее, но все равно остаются хорошим индикатором уровня фальсификаций на конкретных выборах. В свою очередь, подобранный коэффициент пропорциональности (это делается путем максимизации расстояния Васерштейна $W1$ (earthmover's distance) между составляющей гистограммы голосов за А-кандидата, пропорциональной гистограмме голосов за прочих кандидатов, и остаточной "аномальной" частью) позволяет определить результат А-кандидата на не смещенных по явке (и, таким образом, предположительно "честных" участках). Это значение указано в легенде к левой диаграмме наряду с количеством "нормальных" и "аномальных" голосов А-кандидата. Наконец, вычтя "аномальные" голоса из общего количества проголосовавших, можно получить оценку реальной явки в предположении, что все "аномальные" голоса относятся к фальсификации типа 1.

3. Данные

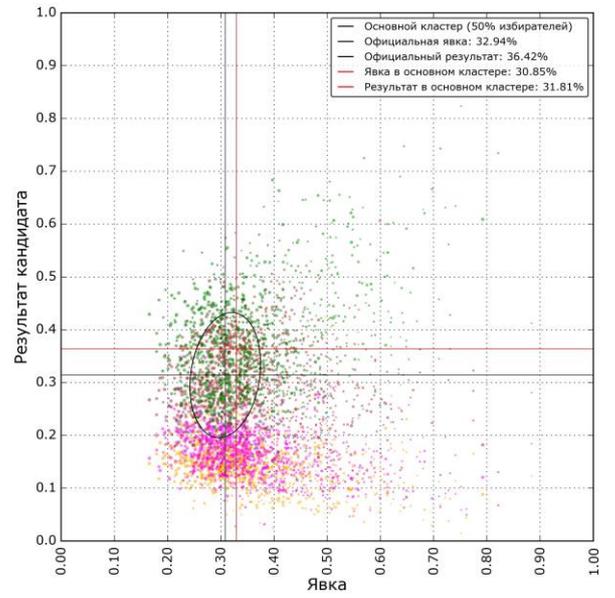
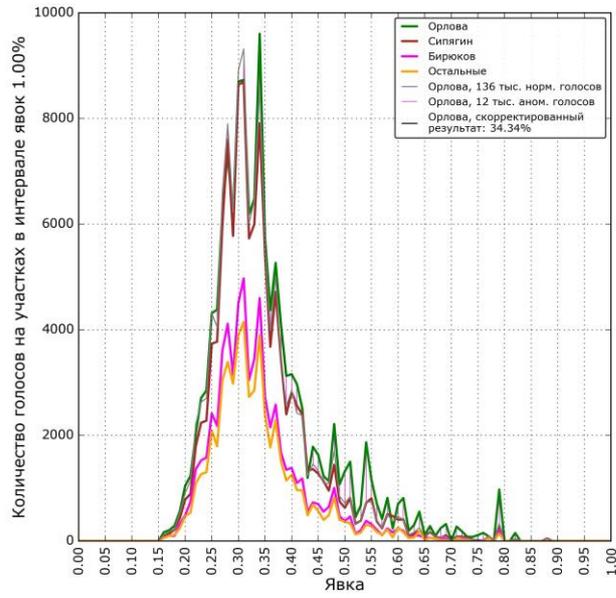
В расчетах использованы официальные данные голосования по участкам, скачанные автором с сайта izbirkom.ru.

4. Диаграммы

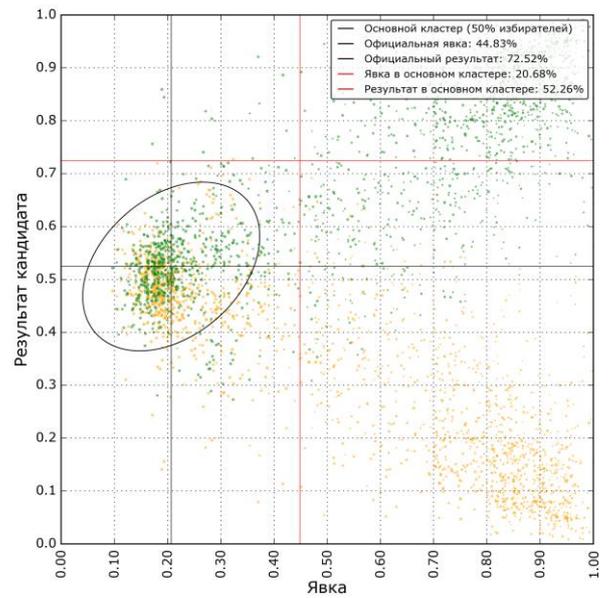
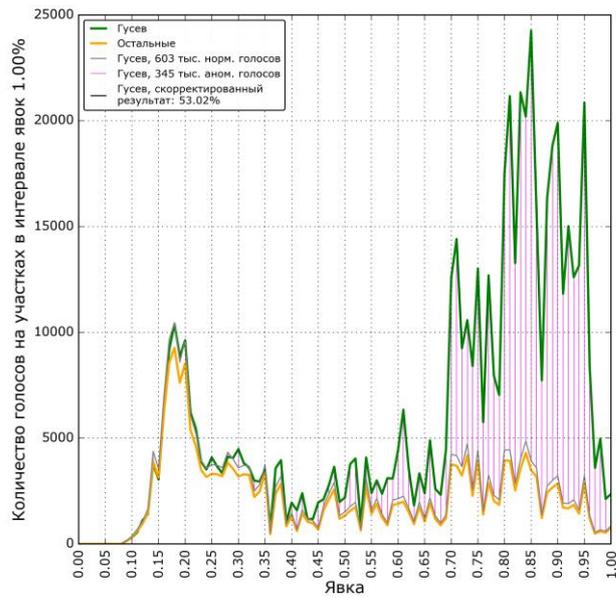
Выборы Главы Республики Хакасия

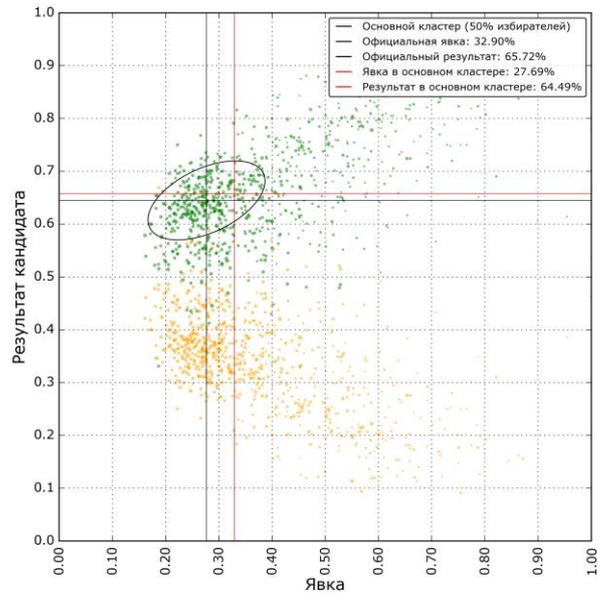
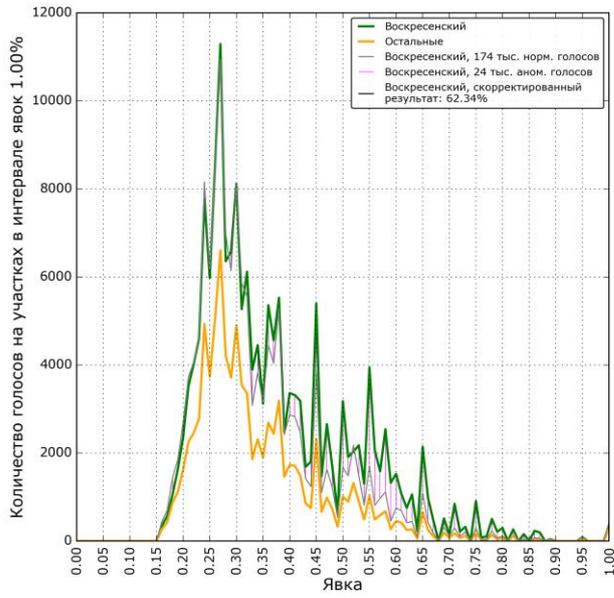
Выборы Губернатора Владимирской области

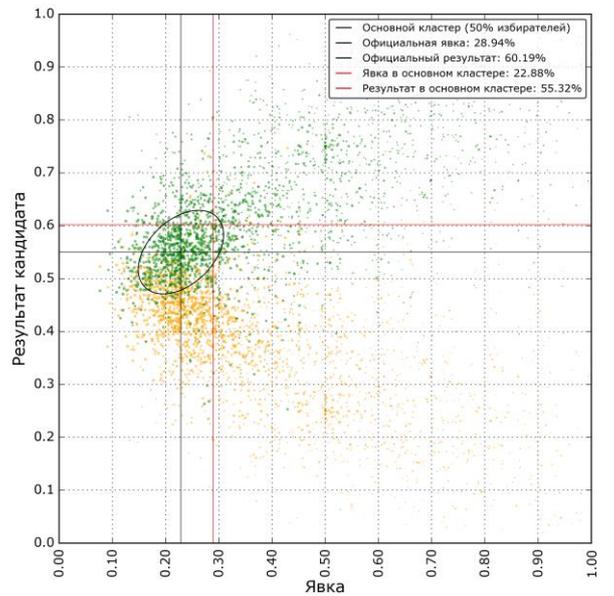
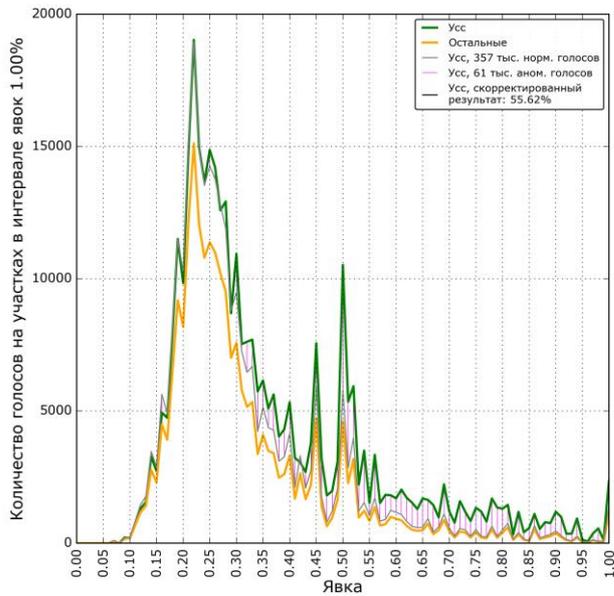
Выборы губернатора Воронежской области

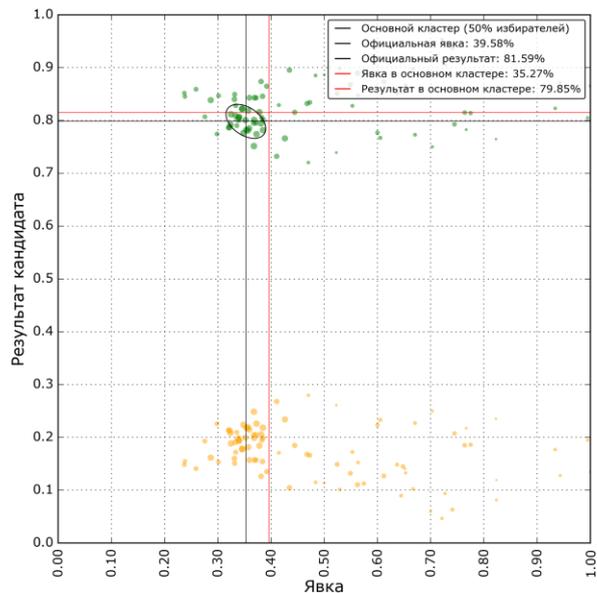
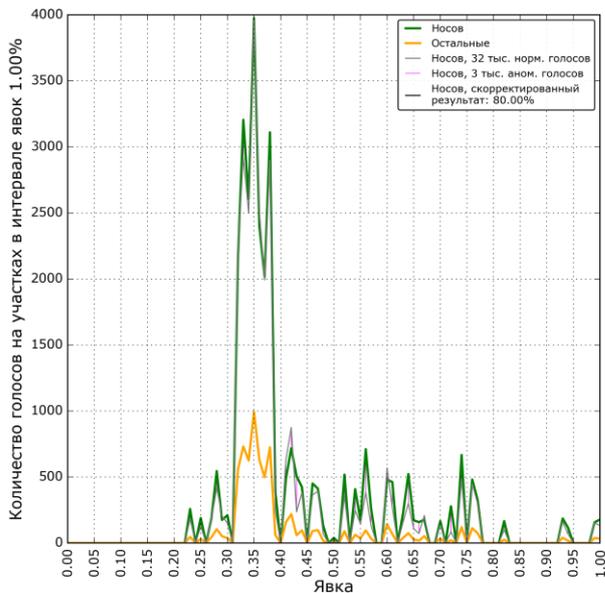
Выборы Губернатора Ивановской области

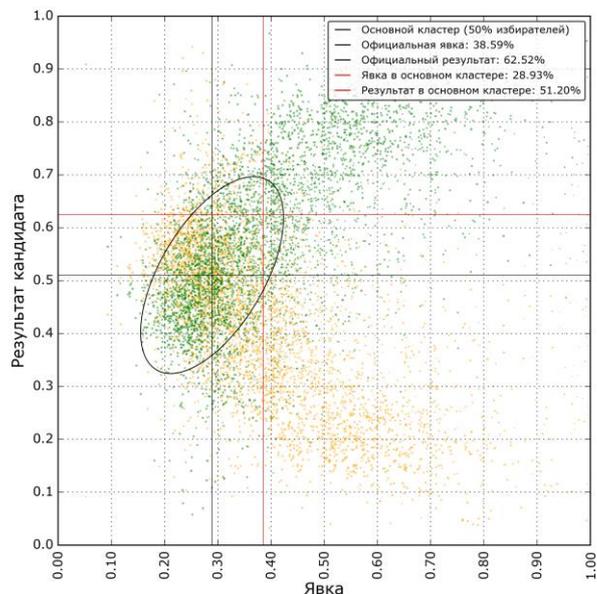
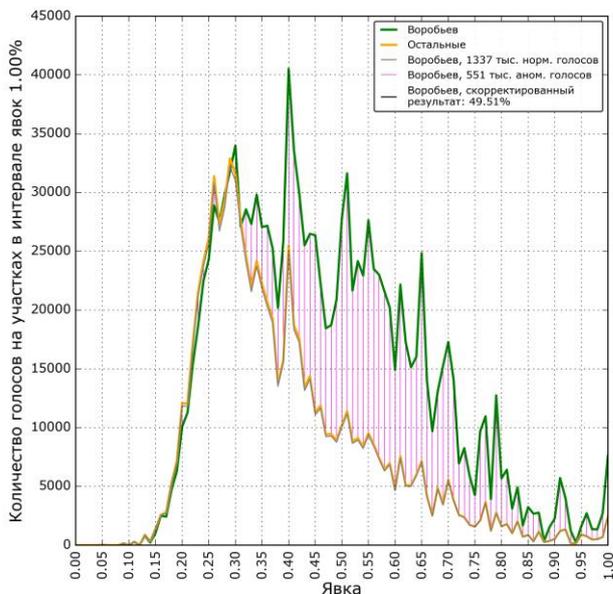
Выборы Губернатора Красноярского края

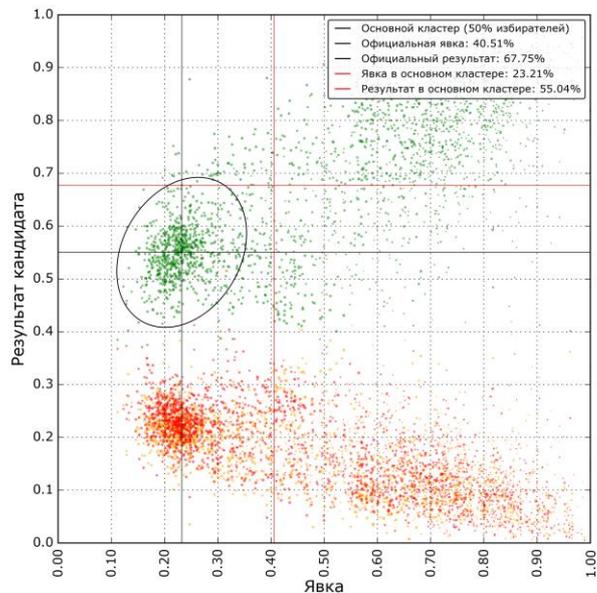
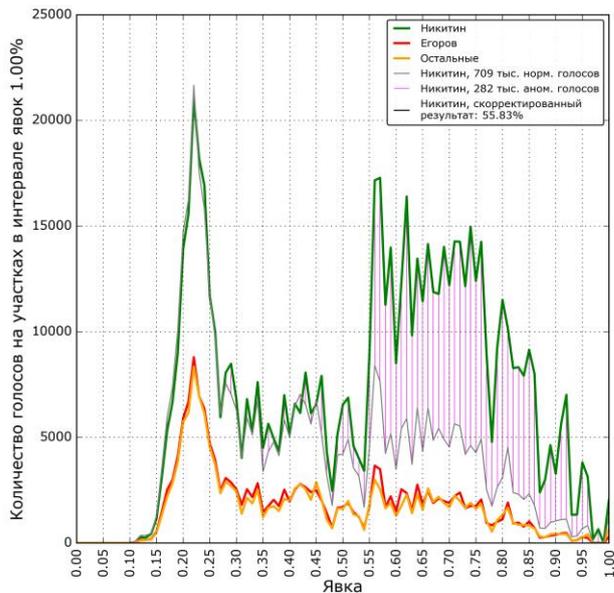
Выборы губернатора Магаданской области

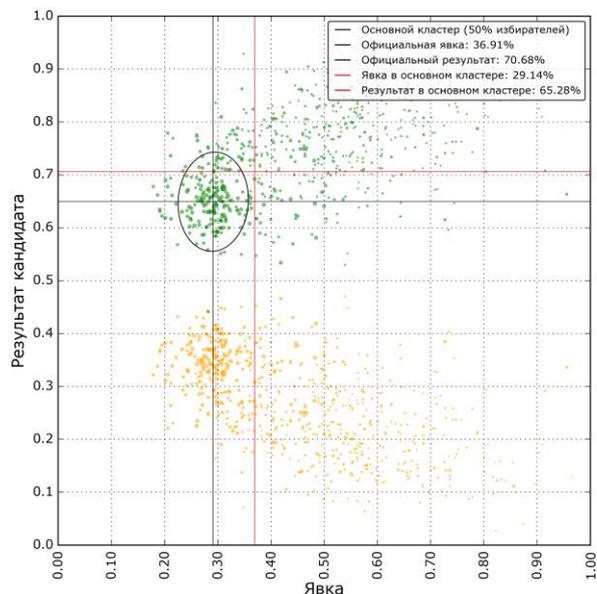
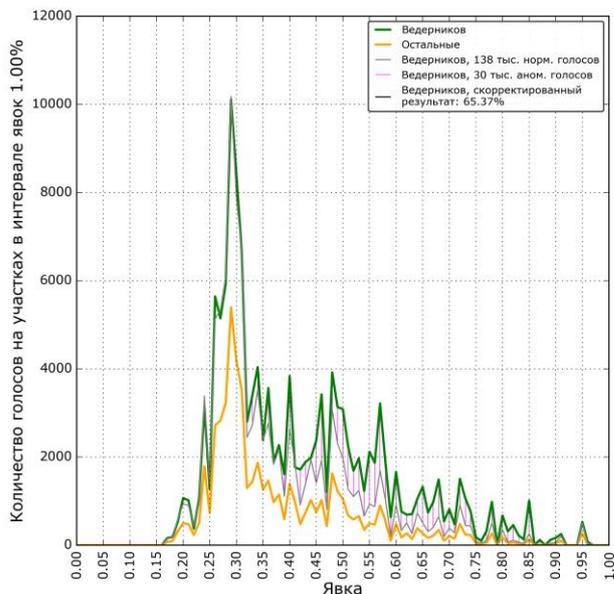
Выборы Губернатора Московской области

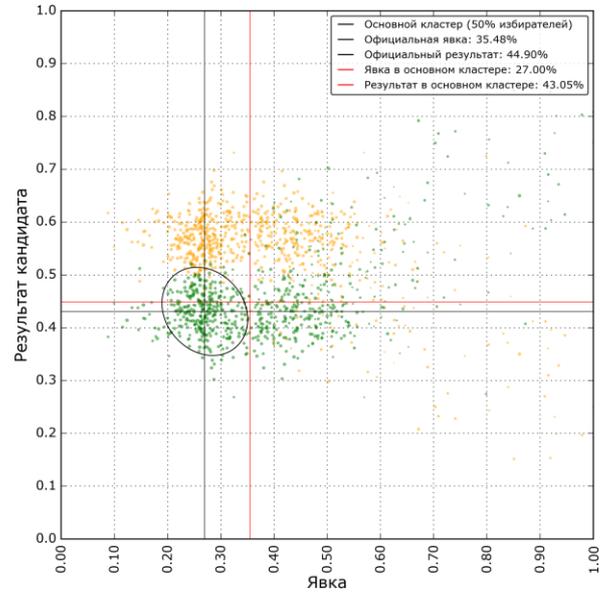
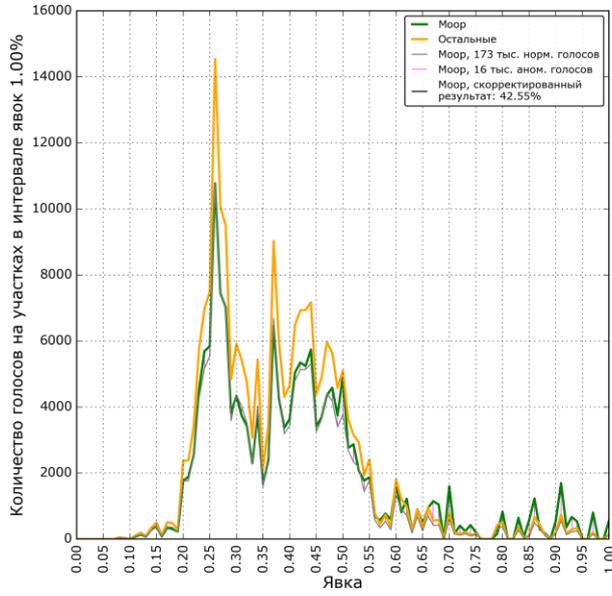
Выборы Губернатора Нижегородской области

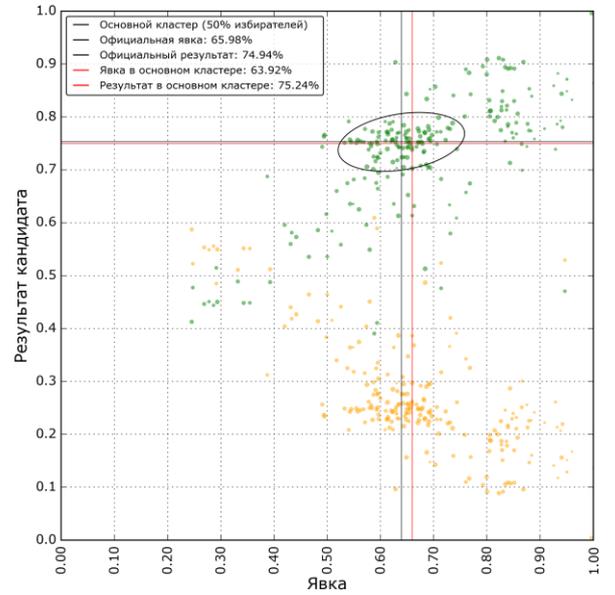
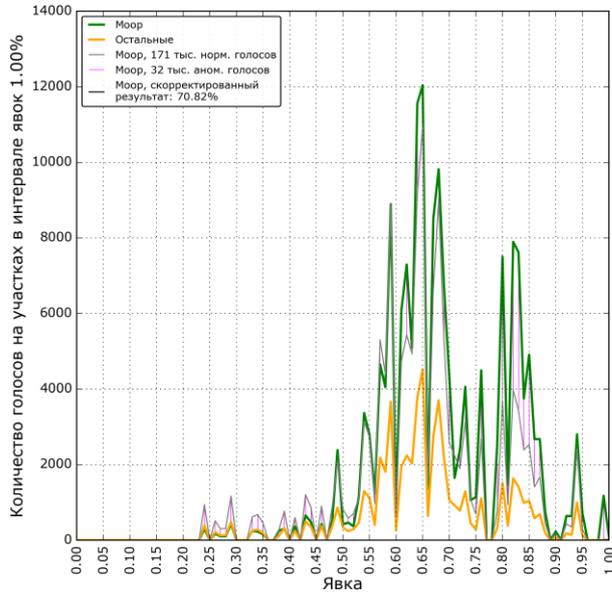
Выборы Губернатора Псковской области

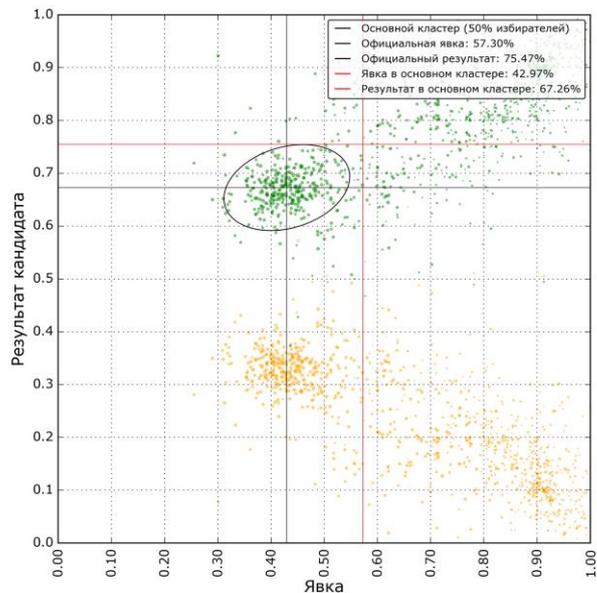
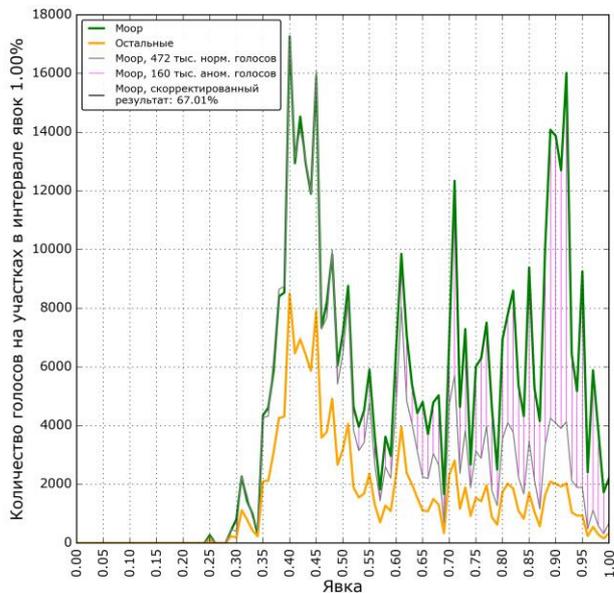
Выборы Губернатора Тюменской области - ХМАО

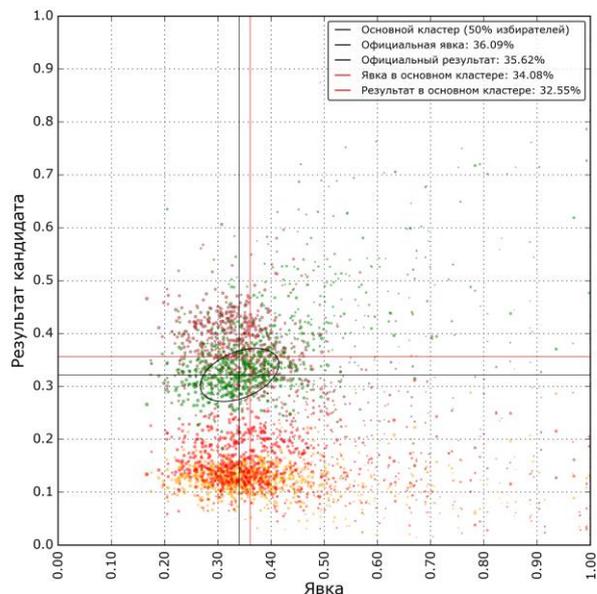
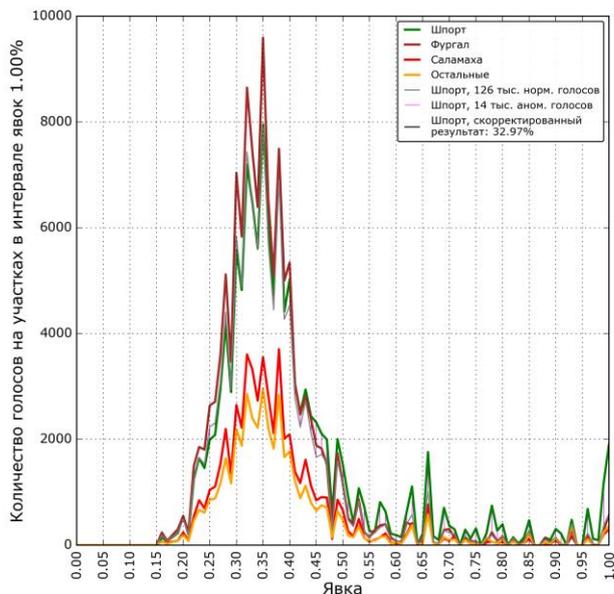
Выборы Губернатора Тюменской области - ЯНАО

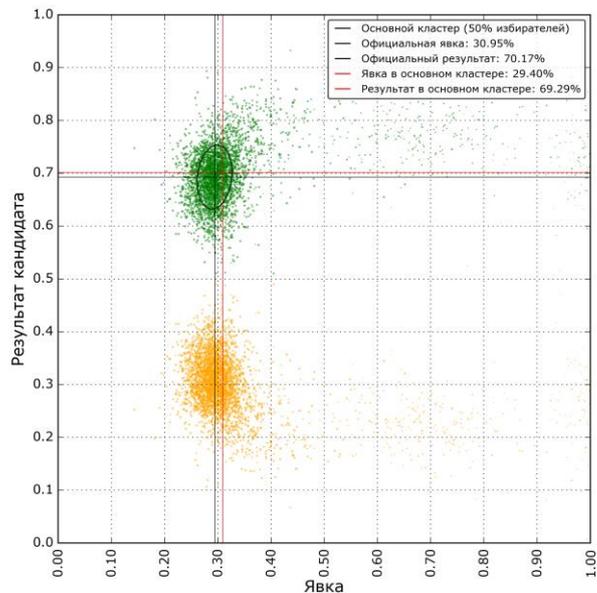
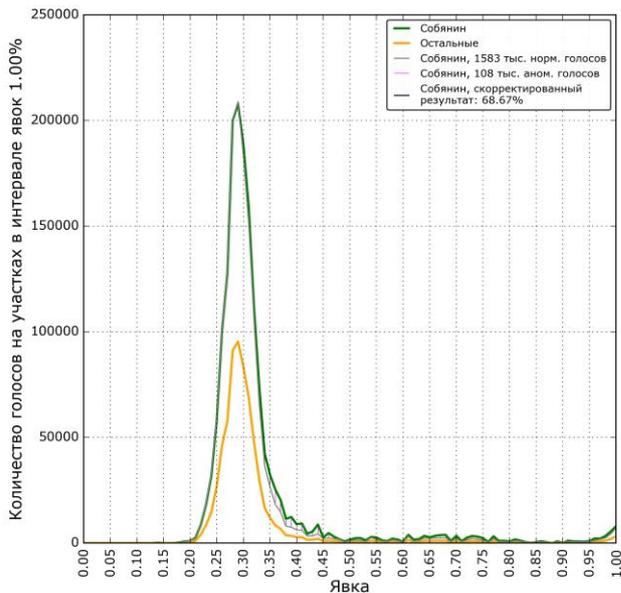
Выборы Губернатора Тюменской области

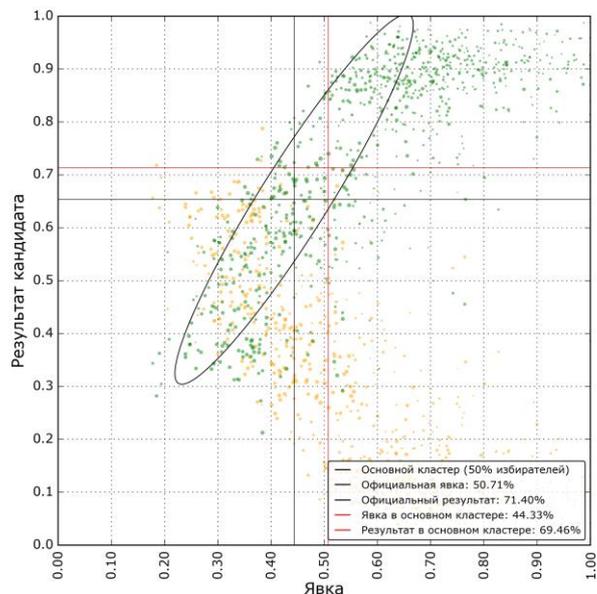
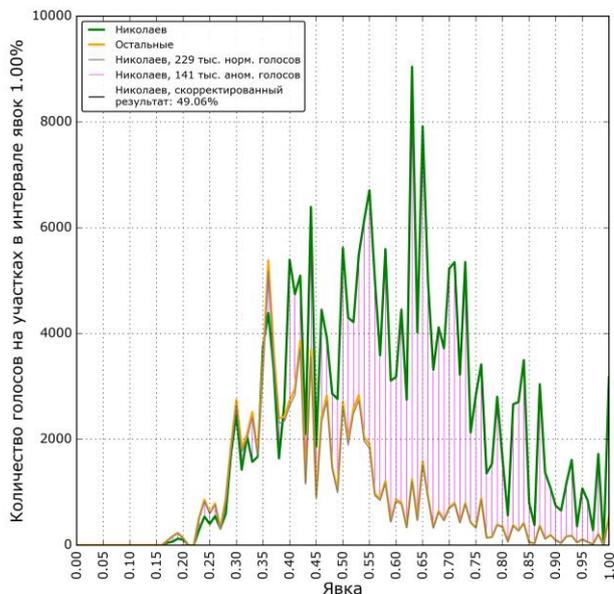
Выборы Губернатора Хабаровского края

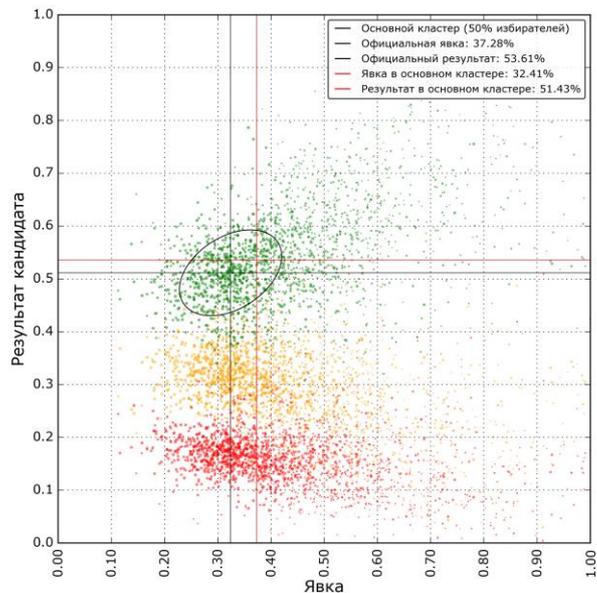
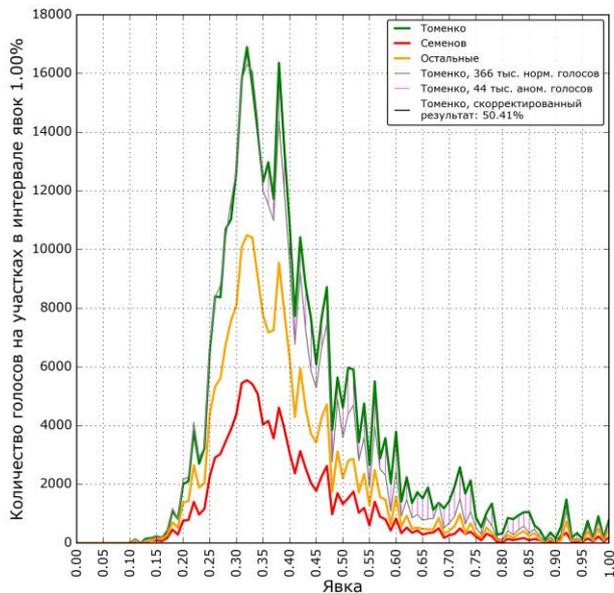
Выборы Мэра Москвы

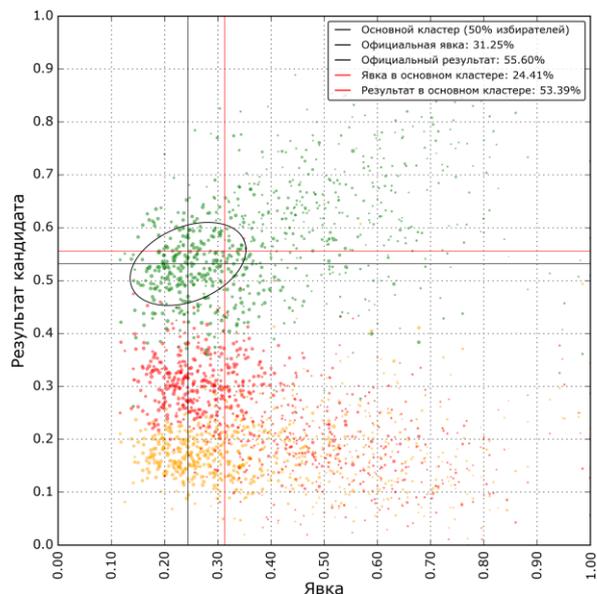
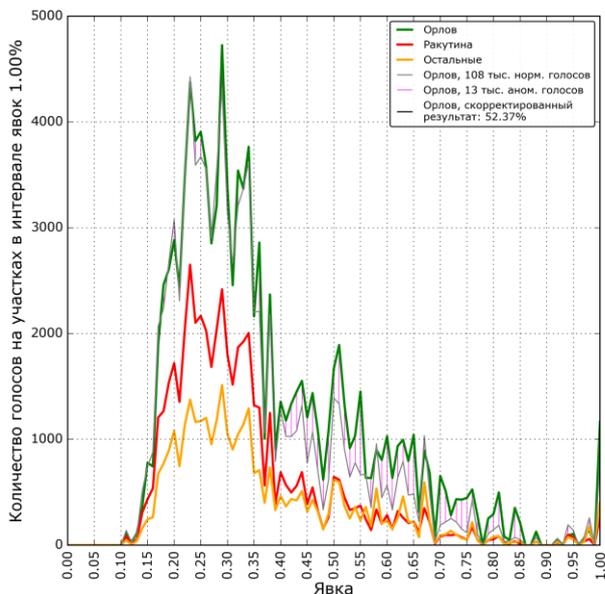
Досрочные выборы Главы Республики Саха (Якутия)

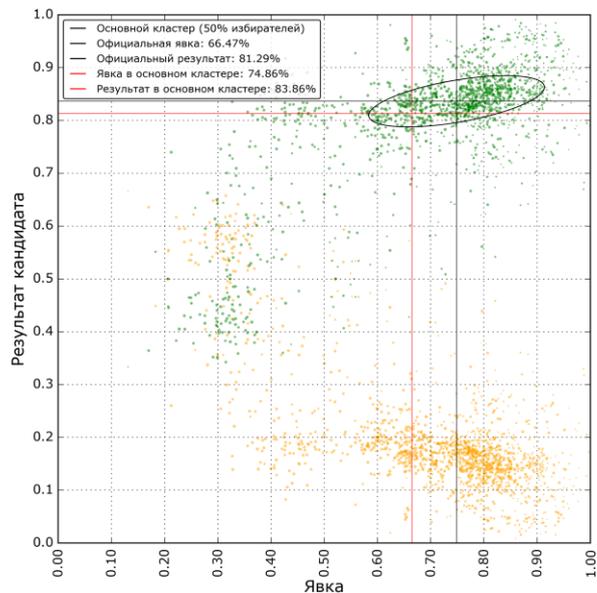
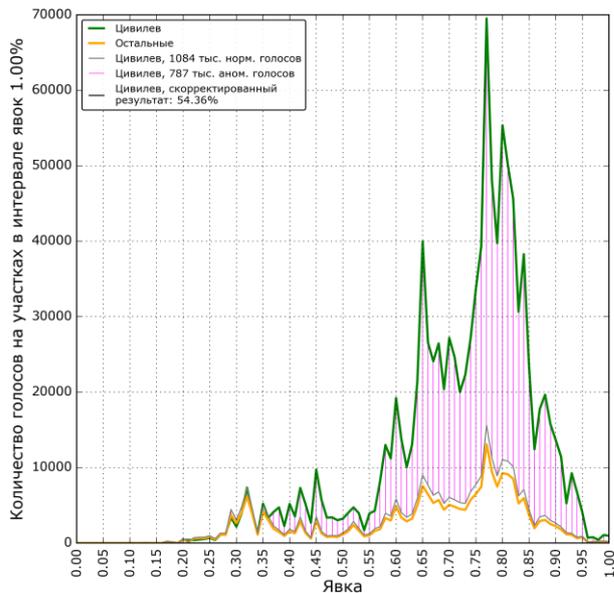
Досрочные выборы Губернатора Алтайского края

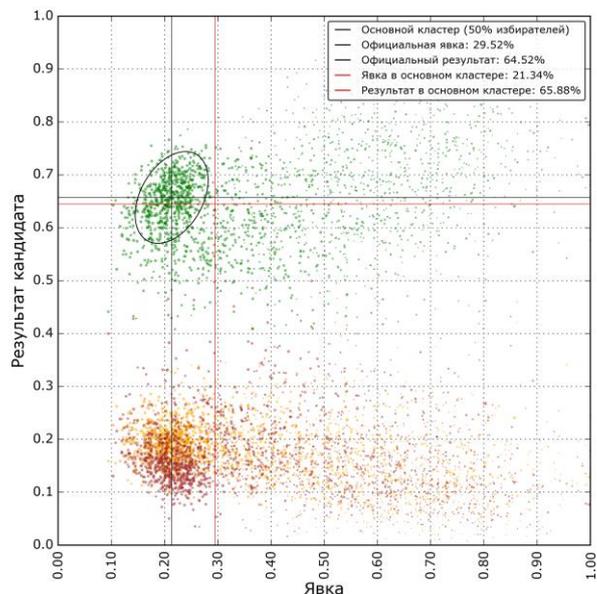
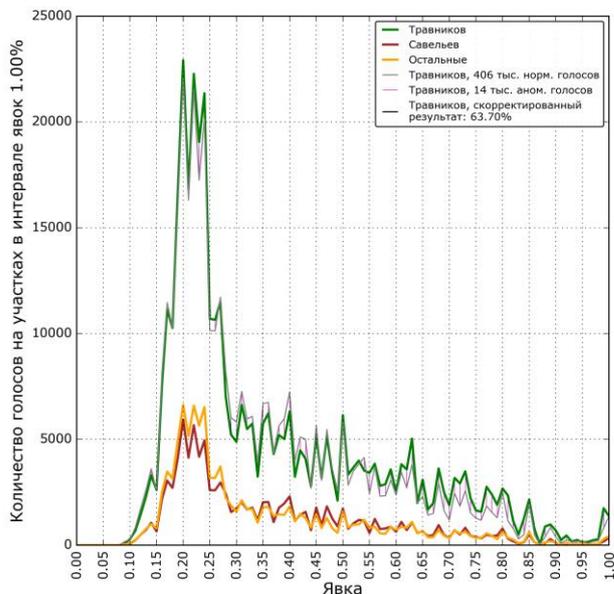
Досрочные выборы губернатора Амурской области

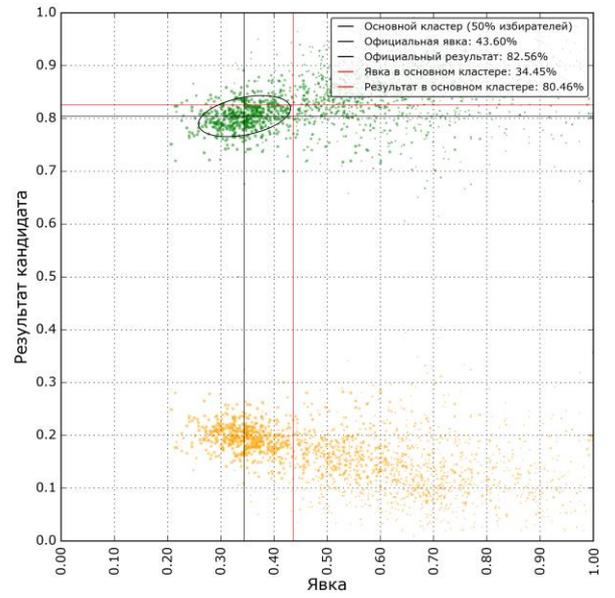
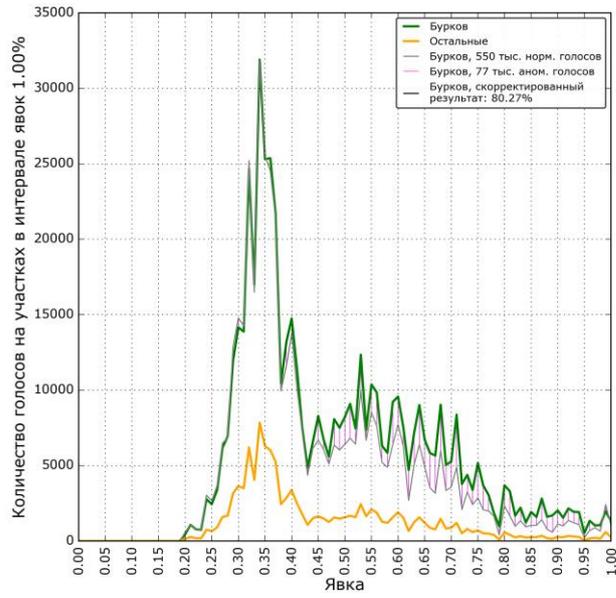
Досрочные выборы Губернатора Кемеровской области

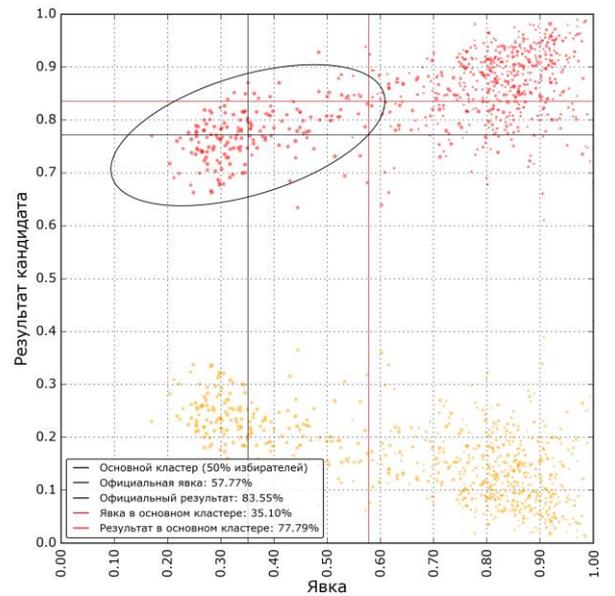
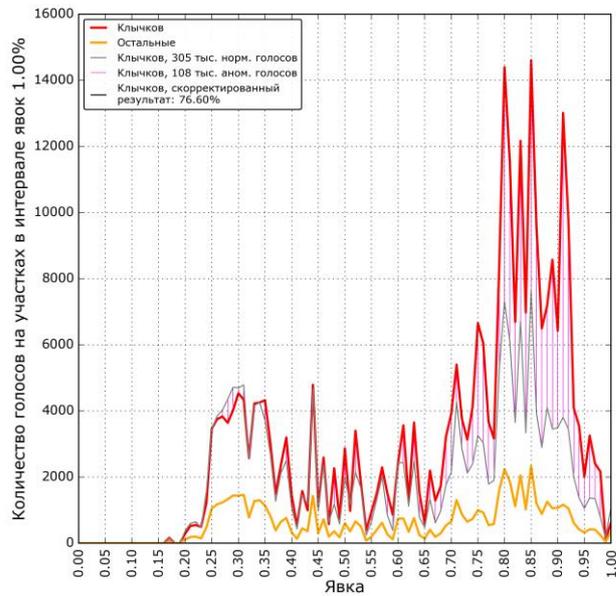
Досрочные выборы Губернатора Новосибирской области

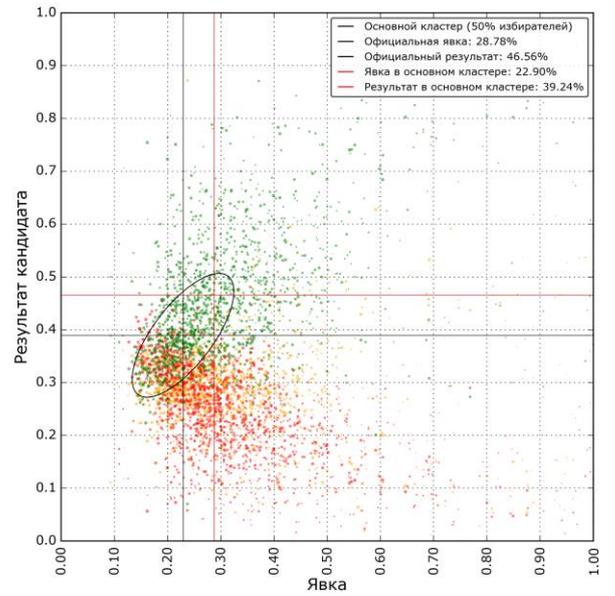
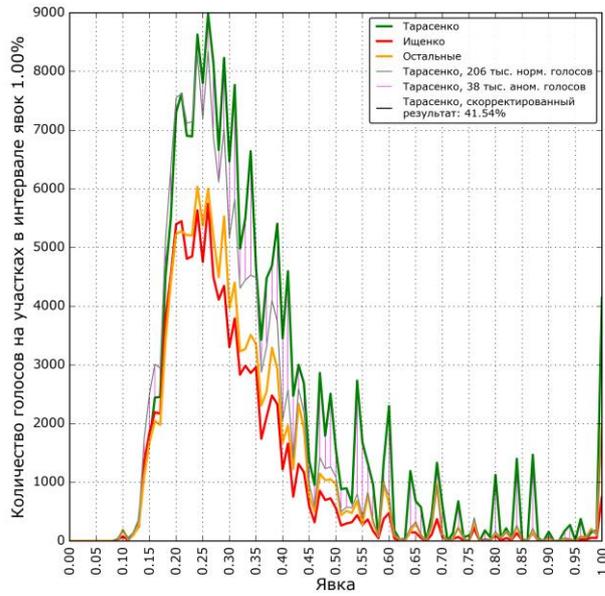
Досрочные выборы Губернатора Омской области

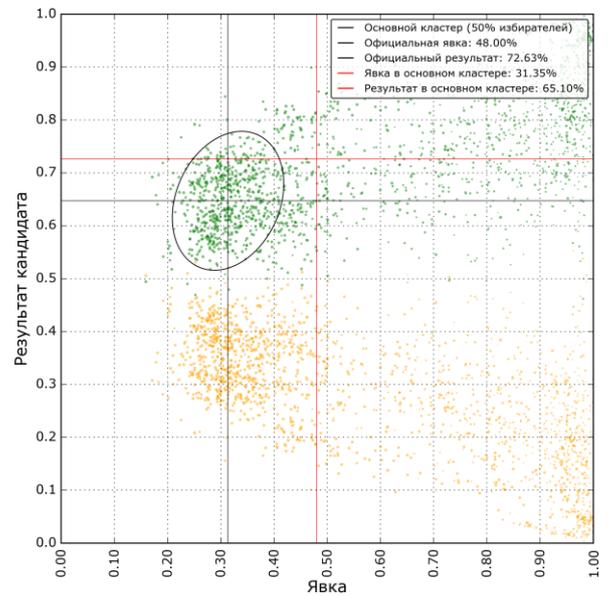
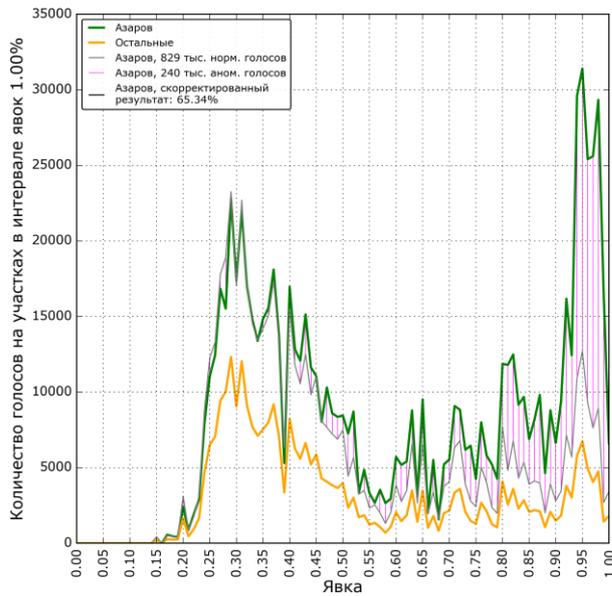
Досрочные выборы Губернатора Орловской области

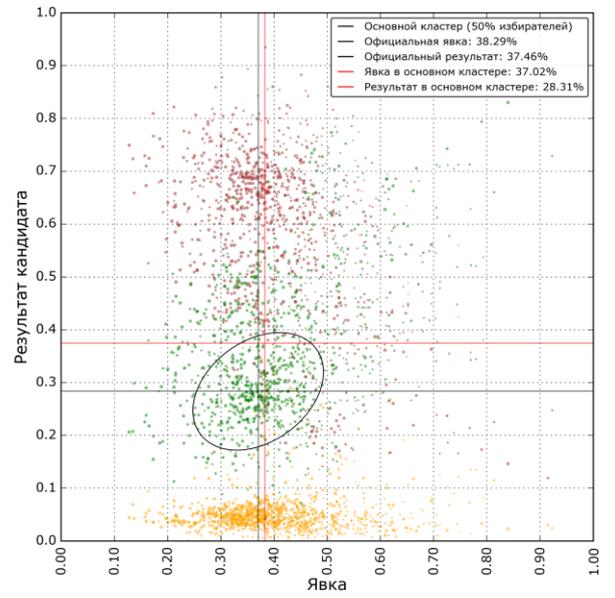
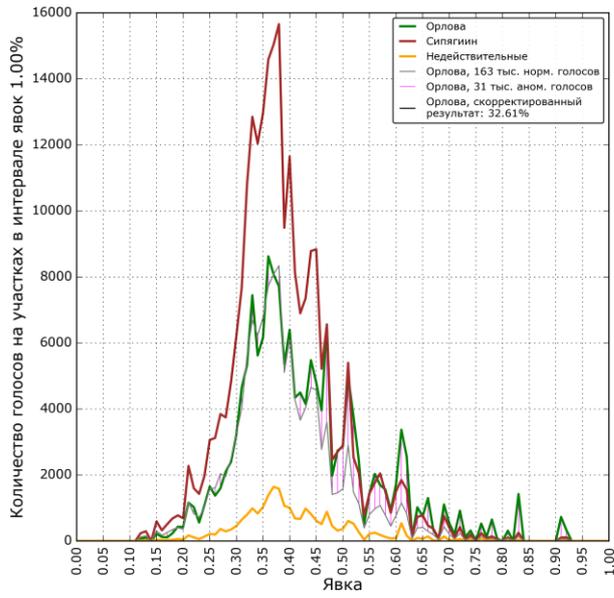
Досрочные выборы Губернатора Приморского края

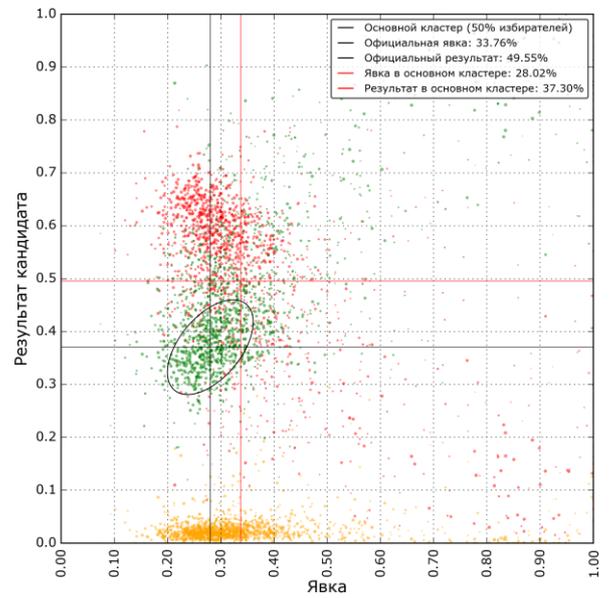
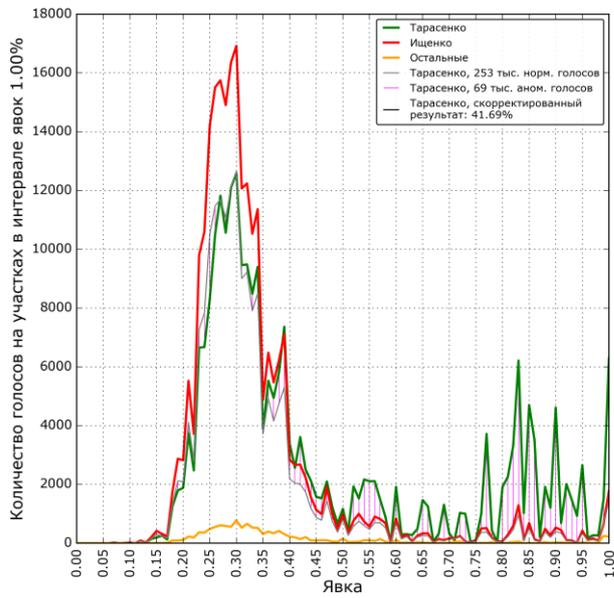
Досрочные выборы Губернатора Самарской области

Владимирская область, II тур

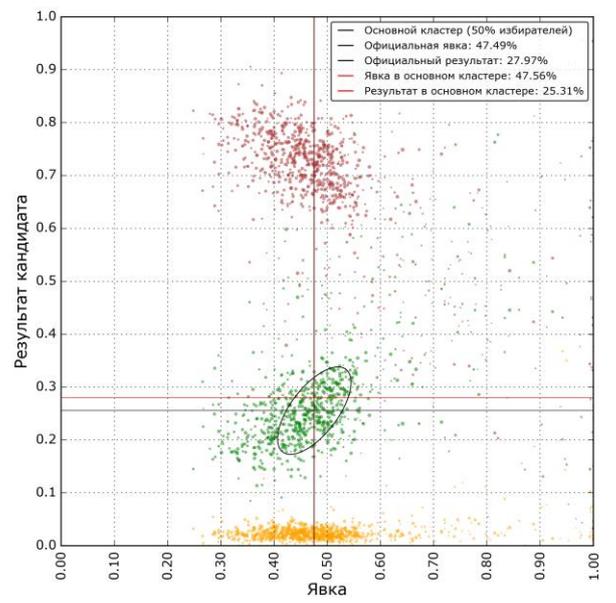
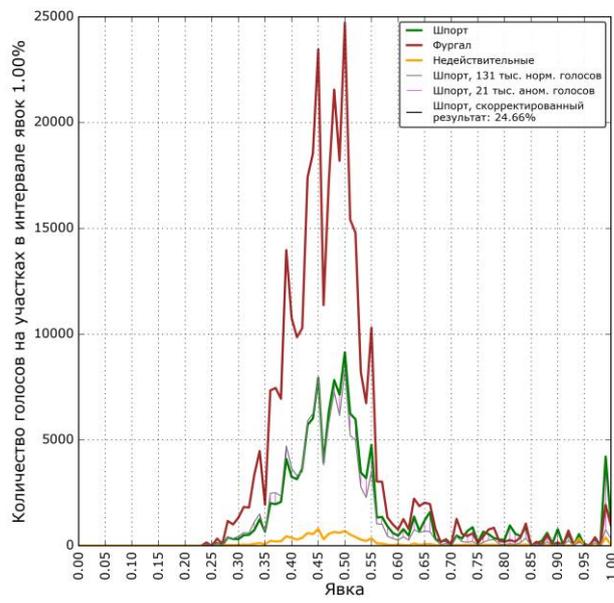

Приморский край, II тур

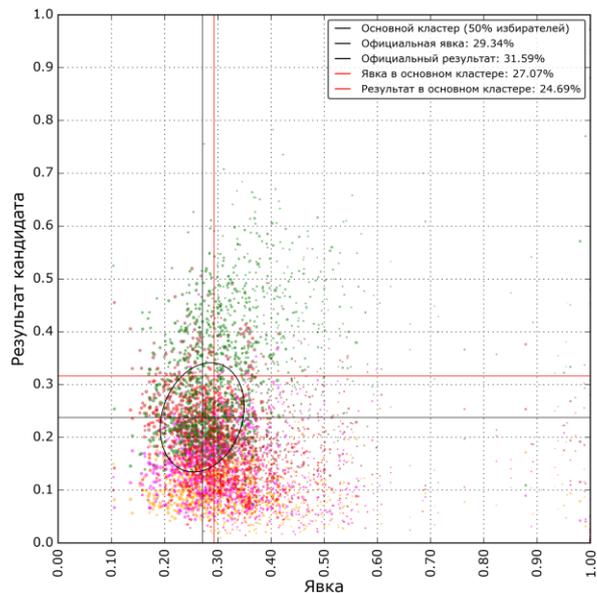
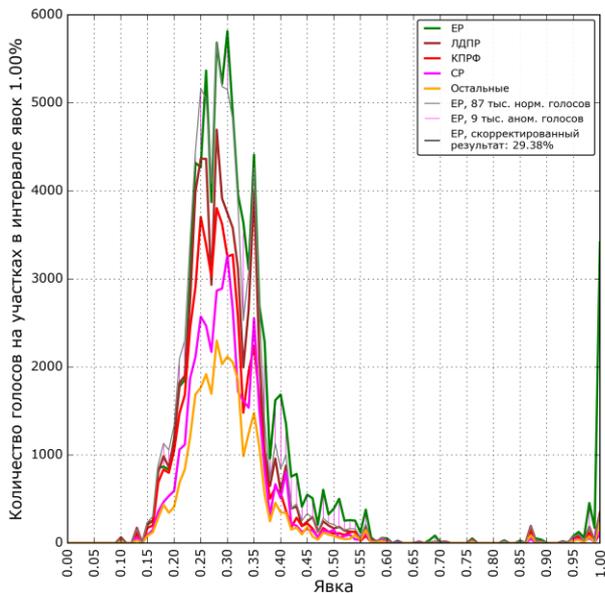

#

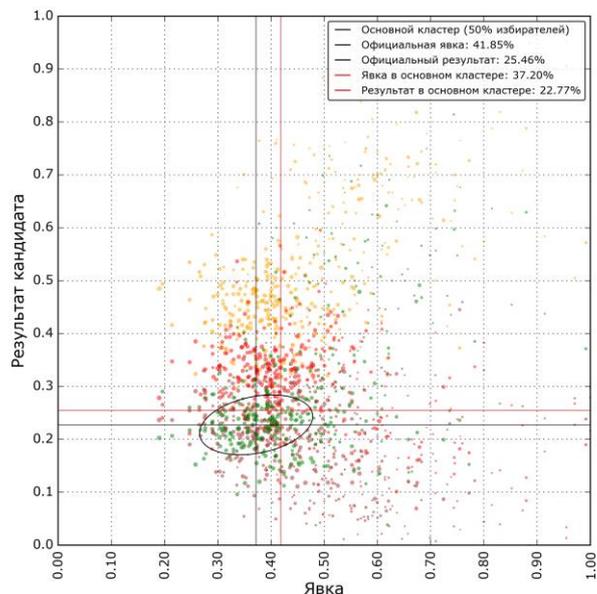
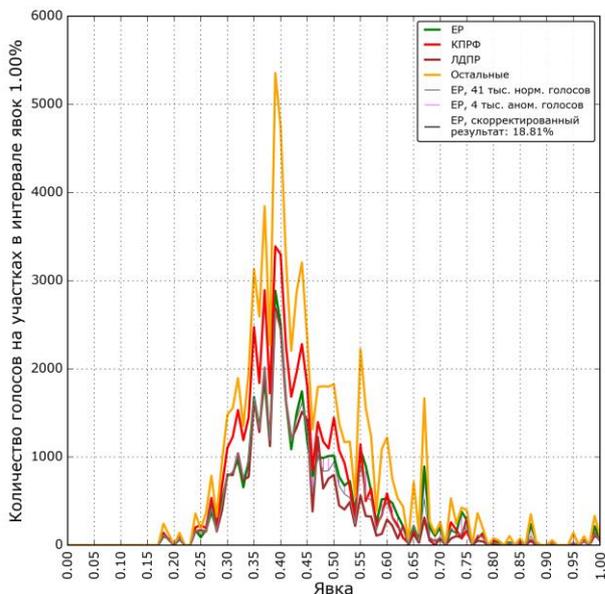
Хабаровский край, II тур

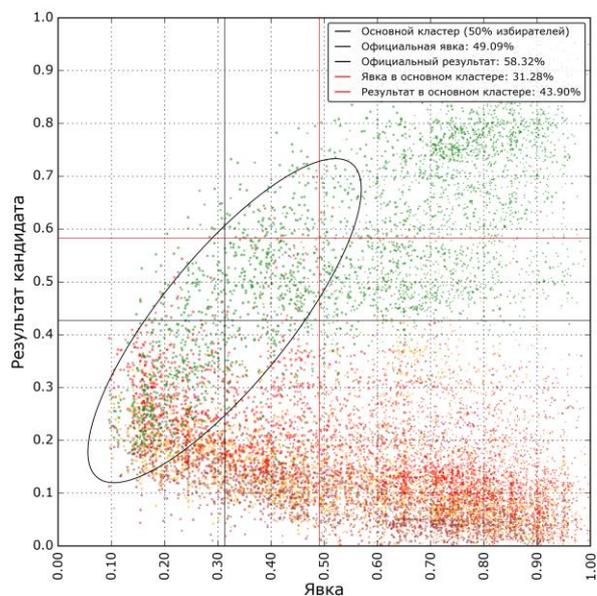
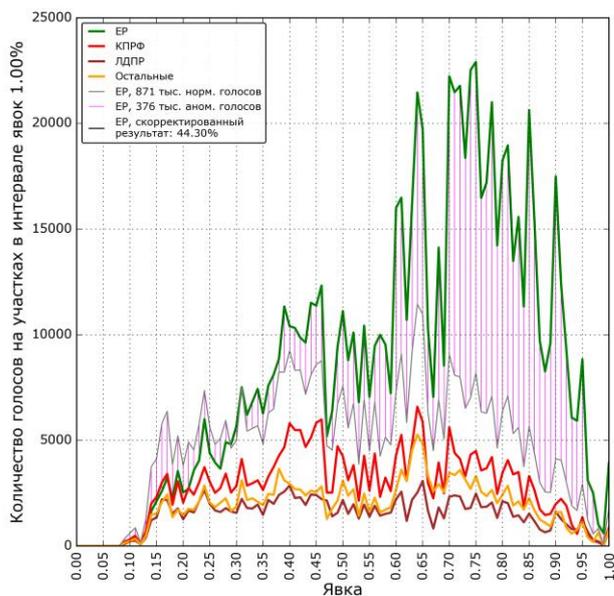
Архангельское областное Собрание депутатов

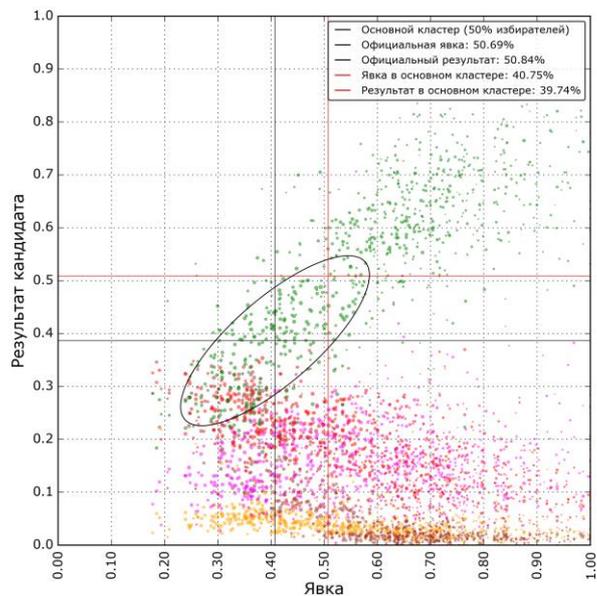
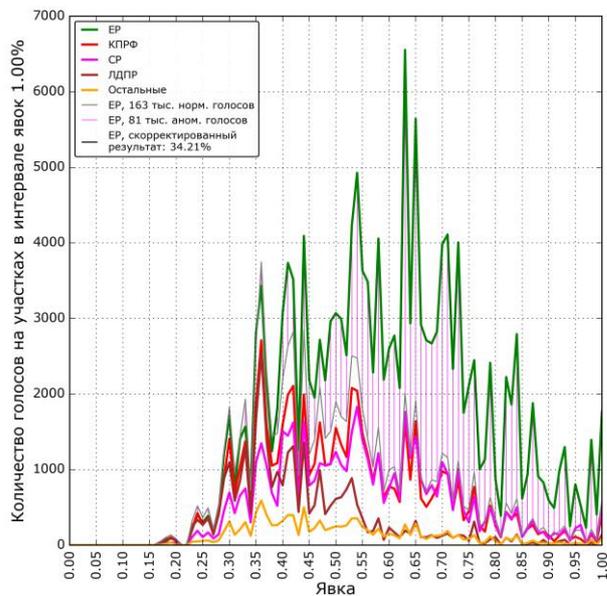
Верховный Совет Республики Хакасия

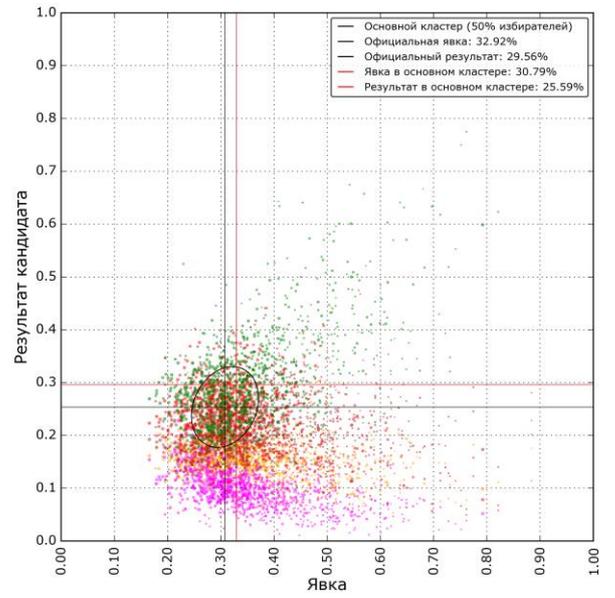
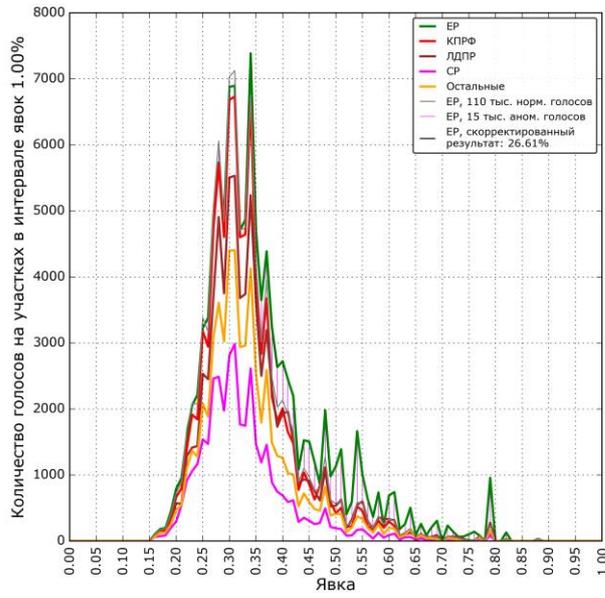
Государственное собрание Башкортостана

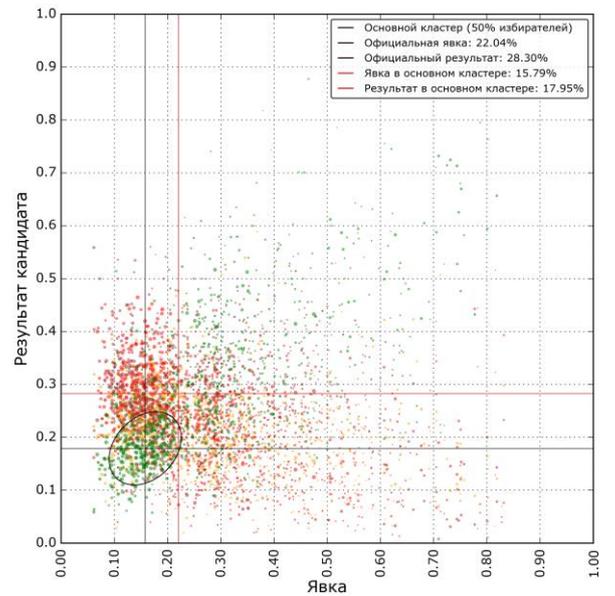
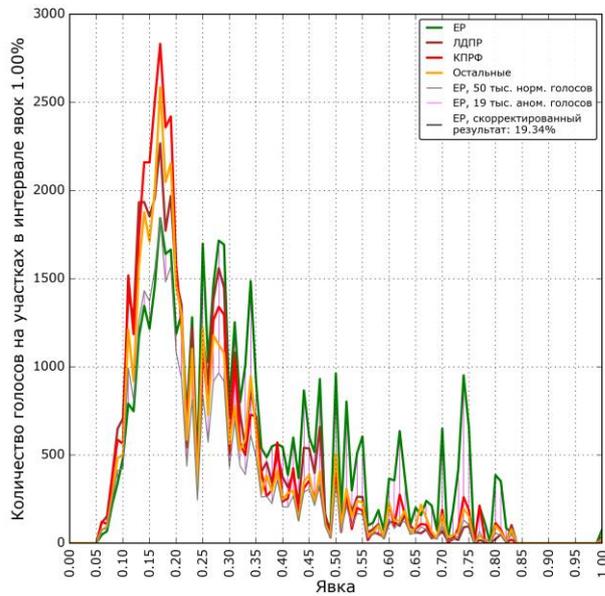
Государственное Собрание Республики Саха (Якутия)

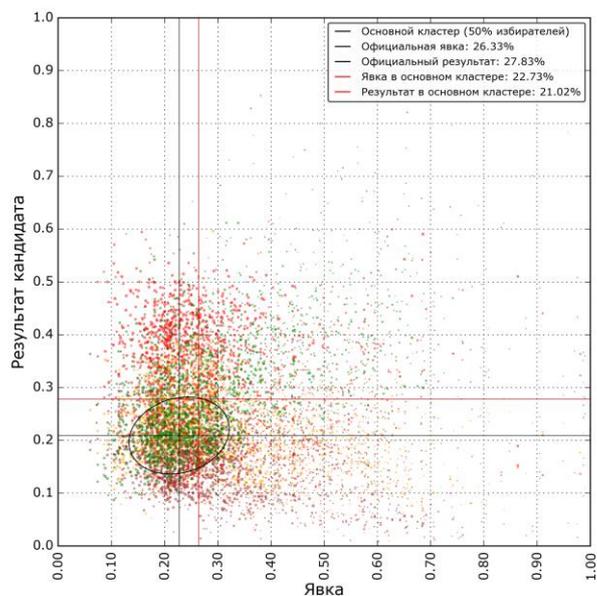
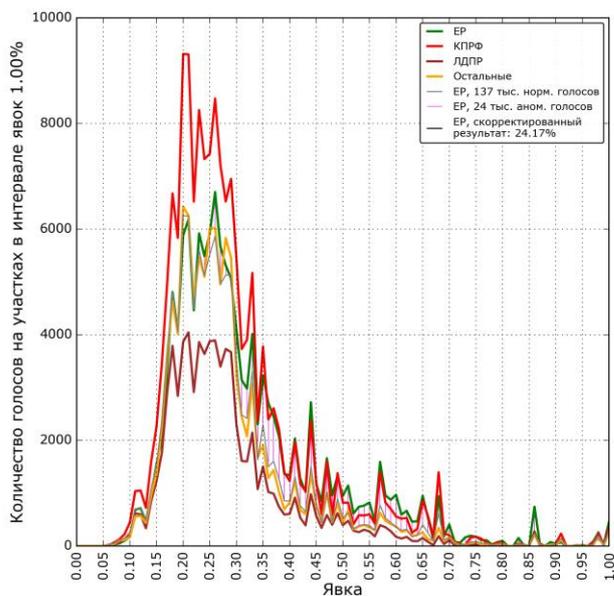
Законодательное Собрание Владимирской области

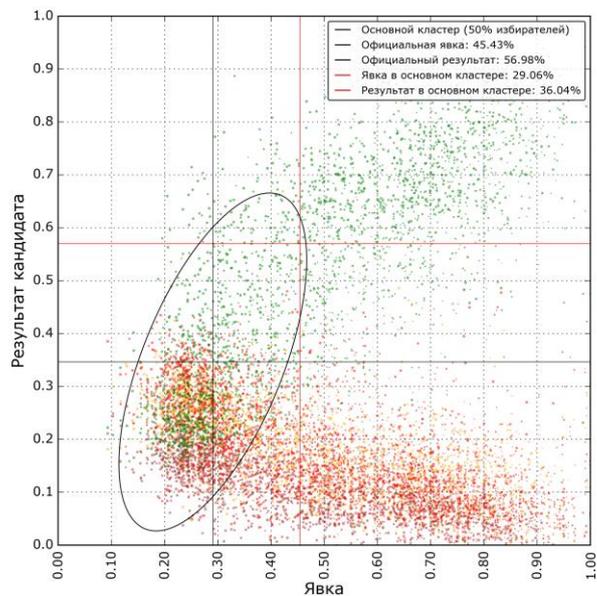
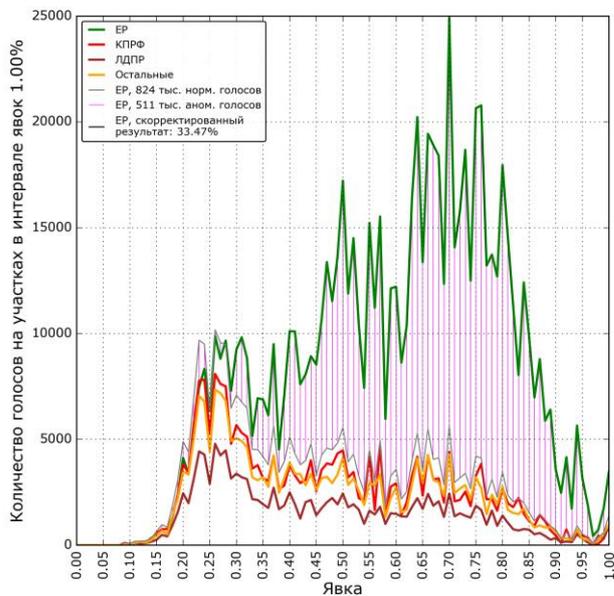
Законодательное собрание Забайкальского края

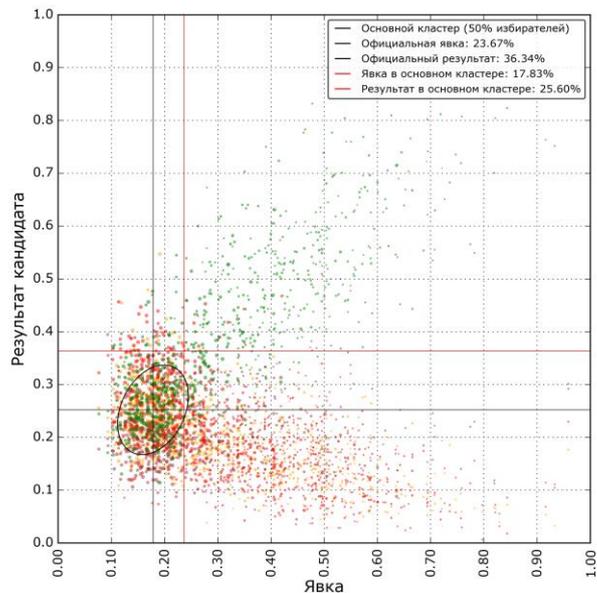
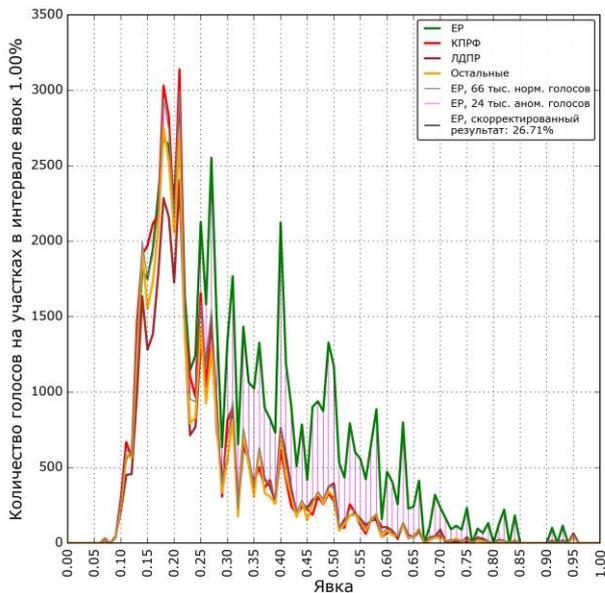
Законодательное собрание Иркутской области

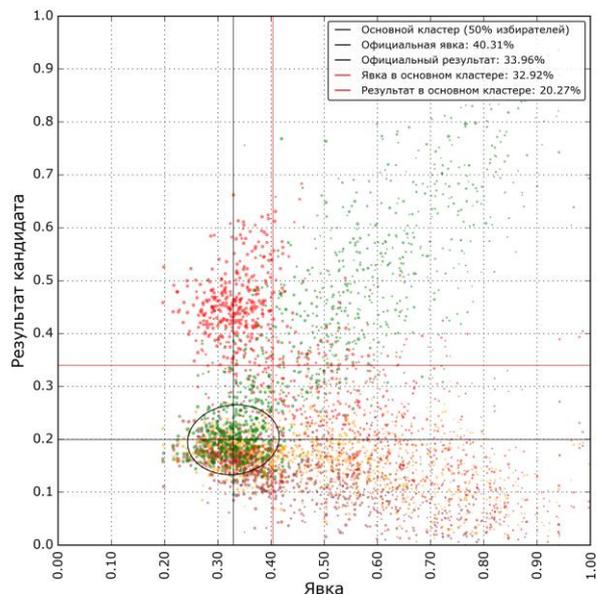
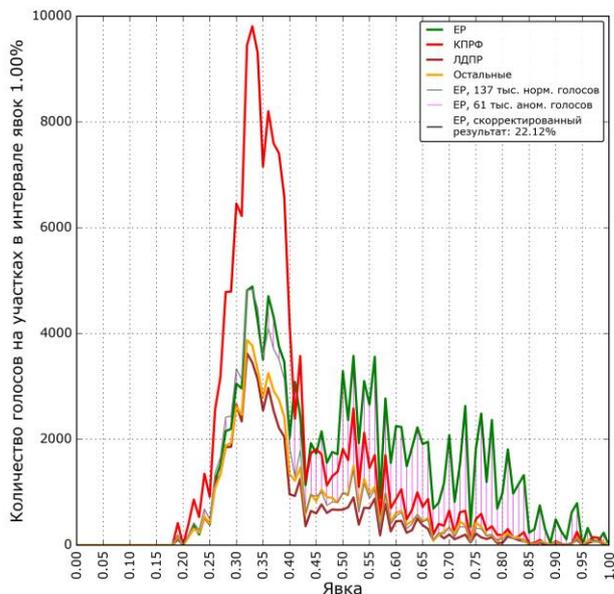
Законодательное собрание Ростовской области

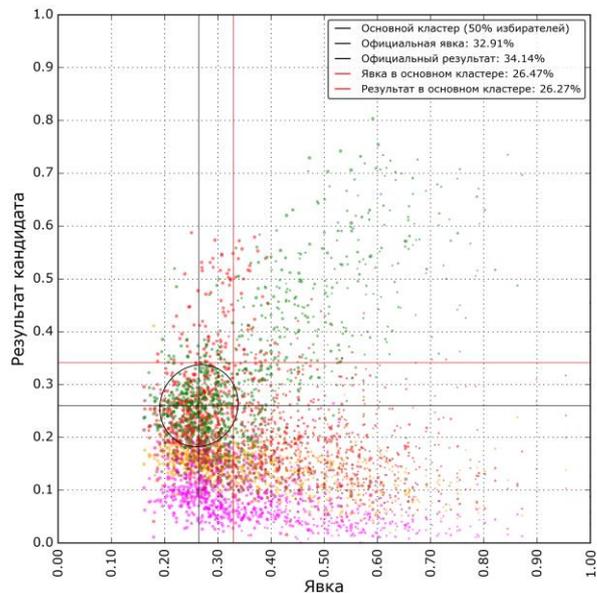
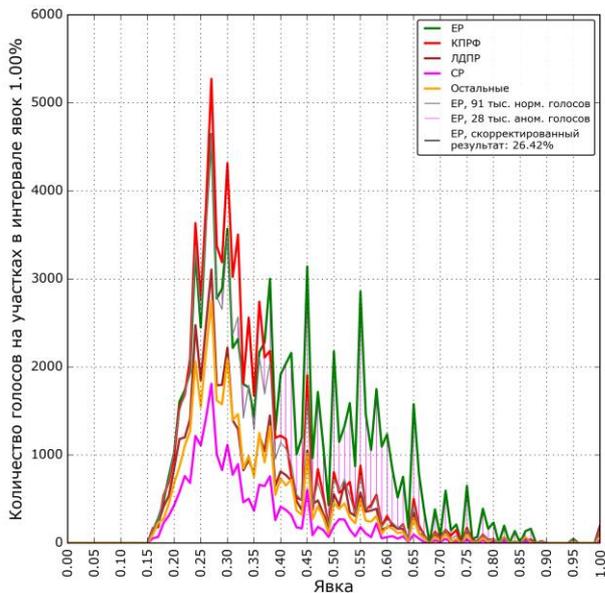
Законодательное собрание Смоленской области

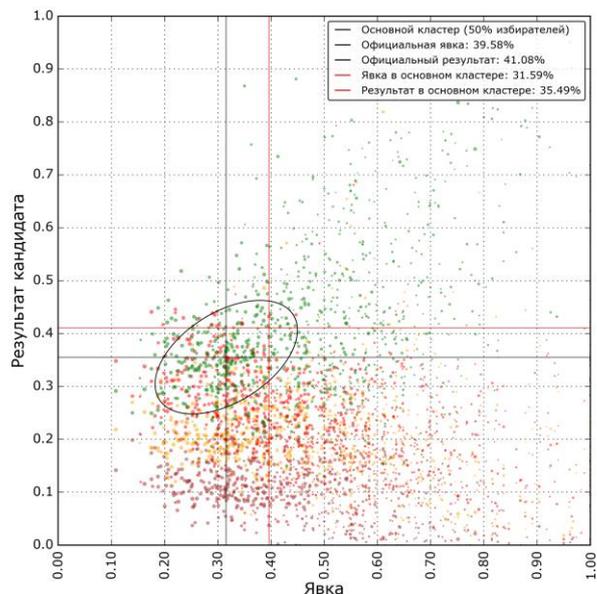
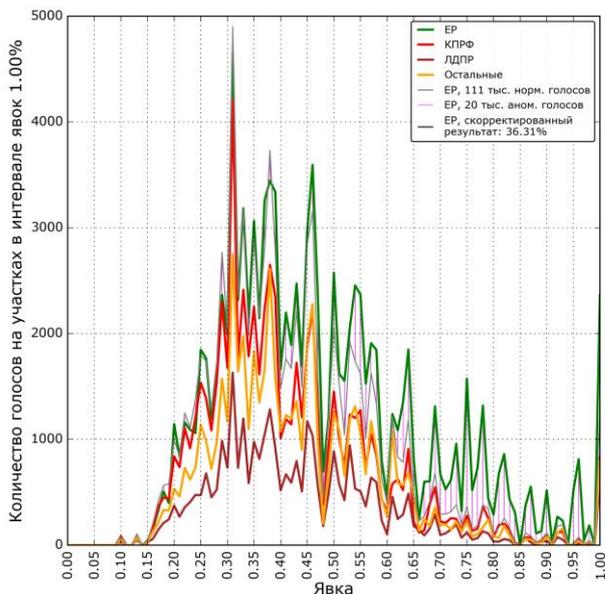
Законодательное собрание Ульяновской области

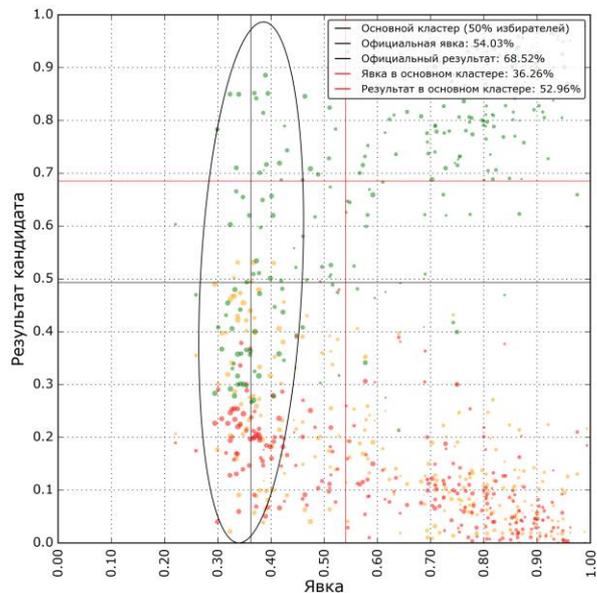
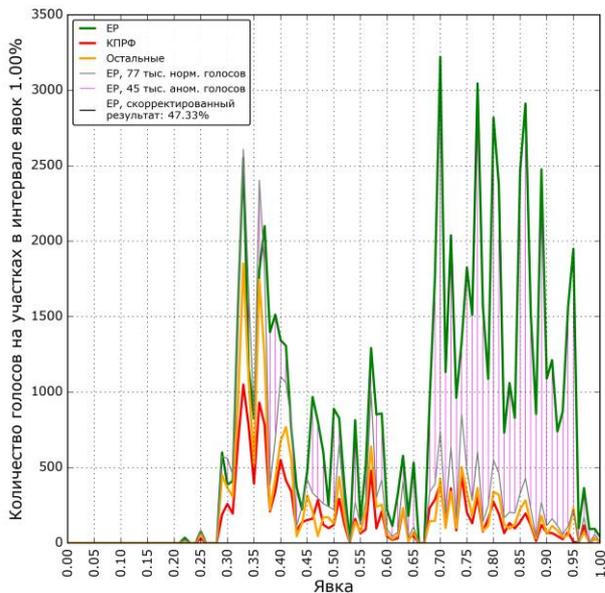
Ивановская областная Дума

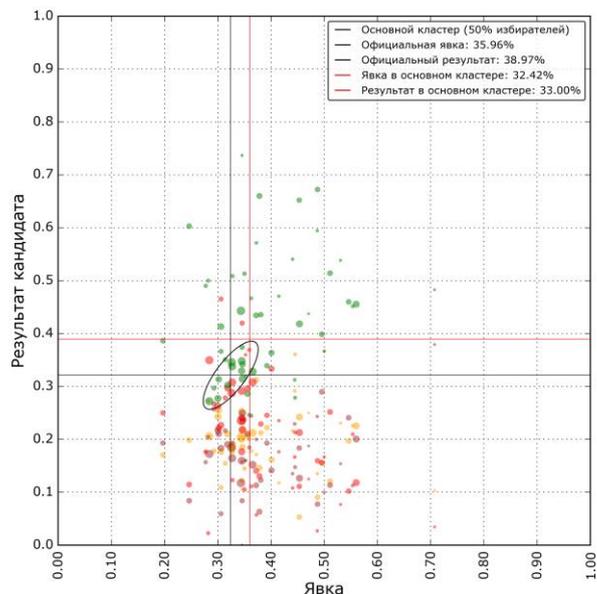
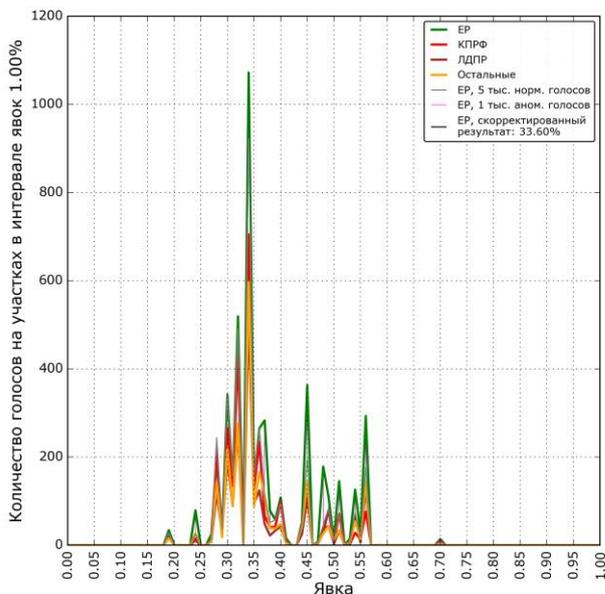
Народный Хурал Республики Бурятия

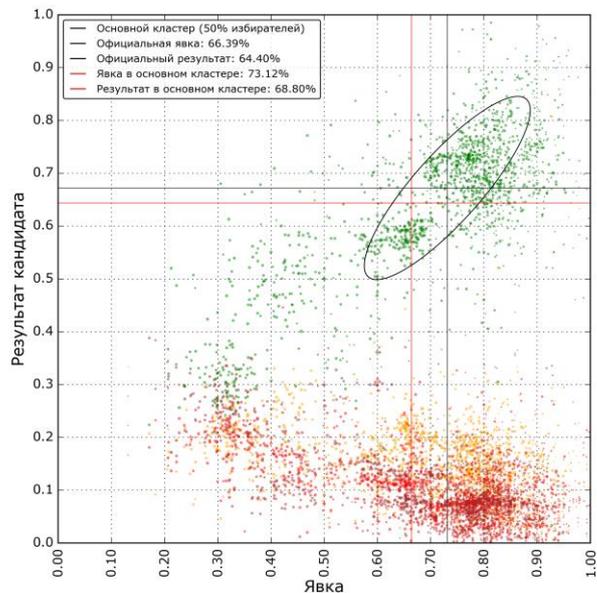
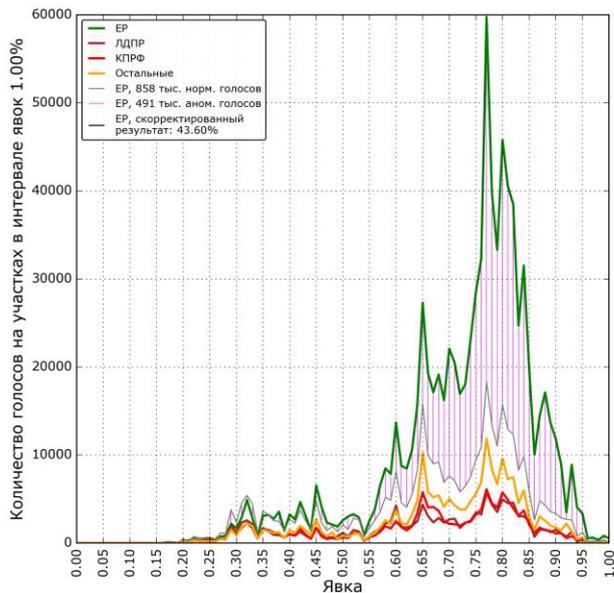
Народный Хурал Республики Калмыкия

Собрание депутатов НАО

Совет народных депутатов Кемеровской области

Ярославская областная Дума

